ДЖЕННИФЕР НИВЕН

С ЧИСТОГО ЛИСТА

От автора бестселлера «Ты не виноват»!

Дженнифер Нивен
С чистого листа
Серия «Настоящая сенсация!»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27099813
С чистого листа: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-104295-0

Аннотация

Все думают, что знают Либби Страут, ведь когда-то пресса окрестила ее «самым толстым подростком Америки». Но мало кому интересно, что Либби, пытаясь справиться со смертью матери, просто заедала свое горе. Теперь же она готова начать жизнь с чистого листа: пойти в старшие классы, встретить новых друзей и, возможно, даже новую любовь…

Все думают, что знают Джека Масселина. Он – веселый и симпатичный парень, душа любой компании. Однако за этой маской Джек скрывает собственную тайну. Тайну, которая делает его еще более одиноким, чем Либби.

Встретившись, смогут ли они изменить друг друга и стать счастливыми? А еще доказать, что настоящая любовь смотрит глазами души…

Содержание

Восемнадцать часов назад 7
Шесть лет назад 65
Настоящее время 69
На следующий день 87
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Дженнифер Нивен
С чистого листа

Jennifer Niven
HOLDING UP THE UNIVERSE

© Jennifer Niven, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Керри, Луису, Анджело и Эду – вы помогаете мне держаться за мой мир, а также всем моим читателям – вы этот мир олицетворяете

– Аттикус, он же был очень милый…
– Все люди хорошие, Глазастик, когда их в конце концов поймешь.
Харпер Ли. Убить пересмешника

Я не гад, но собираюсь совершить нечто гадкое. И ты меня возненавидишь, и кое-кто еще меня возненавидит, но я все равно это сделаю, чтобы защитить тебя, да и себя тоже.

Это прозвучит как отговорка или самооправдание, но я страдаю тем, что называется «прозопагнозия», то есть не могу узнавать лица людей, даже тех, кого люблю.

Даже свою маму. Даже себя самого.

Представь, что заходишь в помещение, где полно незнакомых людей, которые ничего для тебя не значат, потому что ты не знаешь их имен или биографий. А теперь вообрази: ты идешь в школу, на работу или, что хуже всего, к себе домой, где должен всех знать, вот только люди там кажутся тебе чужаками.

Вот так у меня складывается жизнь: захожу в помещение и никого там не знаю. Везде и всегда. Но я нашел выход: я запоминаю человека по походке. По жестам. По голосу. По волосам и по прическе. Запоминаю людей по приметам. Я говорю себе: «У Дасти оттопыренные уши и каштановая прическа «афро». Потом запоминаю эти факты, они и помогают мне найти младшего брата, но в действительности я не могу вызвать в памяти его образ с большими ушами и афро-прической, пока он не оказывается передо мной. Запоминать людей – это вроде некой сверхспособности, которой, похоже, обладают все, кроме меня.

Поставлен ли мне официальный диагноз? Нет. И не только потому, что, как предполагаю, это за пределами возможностей доктора Блюма, нашего городского педиатра. И не только потому, что за последние несколько лет на моих родителей свалилось столько проблем, что никому мало не покажется. И не только потому, что лучше *не быть* уродом и посмешищем. Но потому, что в глубине души я надеюсь: это все не так. Может быть, мое отклонение пройдет и рассосется само собой. А пока я живу по таким правилам:

Кивай и улыбайся всем.

Будь любезным и дружелюбным.

Будь «в теме».

Будь, черт подери, веселым.

Ходи на вечеринки, отрывайся, но не пей. Не рискуй потерять самоконтроль (это и на трезвую голову часто случается).

Будь внимателен.

Делай все, что от тебя потребуется. Будь хоть повелителем козлов. Кем или чем угодно, лишь бы не жертвой. Всегда лучше быть охотником, чем дичью.

Я говорю тебе все это не для того, чтобы оправдать то, что намереваюсь сделать. Но, возможно, ты запомнишь мои слова. Это единственный способ удержать моих друзей от того, чтобы они не сотворили еще чего похуже, и единственный способ прекратить эту идиотскую игру. Просто знай, что я никому не хочу причинить боль. *Не этим и не поэтому*. Хотя именно так и случится.

Искренне твой,

Джек.

P. S. Ты – единственный человек, кто знает, что со мной.

ПРОЗОПАГНОЗИЯ: 1. Неспособность узнавать в лицо знакомых людей, обычно как результат травматических или функциональных поражений мозга. 2. Когда все окружающие – незнакомые или чужие.

Восемнадцать часов назад

Либби

Если бы из лампы у моей кровати выпрыгнул джинн, я бы попросила его исполнить три желания: чтобы мама была жива, чтобы никогда больше не случалось ничего плохого или печального и чтобы меня приняли в группу «Девчата» средней школы Мартина Ван Бюрена – лучший спортивно-танцевальный коллектив в штатах Висконсин, Иллинойс и Индиана.

А что, если тебя не примут в группу «Девчата»?

На часах 03.38, и глубокой ночью мысли начинают дико и беспорядочно скакать, как мой кот Джордж, когда он был еще котенком. Внезапно они принимаются карабкаться по занавеске. Вот раскачиваются, уцепившись за книжную полку. Вот они запускают лапу в аквариум, погрузив голову в воду.

А что, если ты снова попадешь в ловушку? Что, если придется выбивать дверь в столовую или ломать стену туалета, чтобы выпустить тебя? Что, если папа женится, а потом умрет и ты останешься с его новой женой и сводными братьями или сестрами? Что, если ты умрешь? Что,

если никакого рая не существует и ты никогда больше не увидишь мамочку?

Я велю себе спать.

Закрываю глаза и лежу очень смирно.

Очень смирно.

Минута за минутой, которые тянутся бесконечно.

Я заставляю свои мысли лечь рядом и говорю им: «Спать, спать, спать».

А вдруг ты придешь в школу и поймешь, что там все по-другому и дети совсем другие, ты никогда не сможешь их догнать, как бы ни старалась?

Я открываю глаза.

Меня зовут Либби Страут. Вы, наверное, слышали обо мне. И, наверное, видели видеосюжет о том, как меня вызволяют из моего же дома. По последним данным, это видео посмотрели 6 345 981 человек, так что существует большая вероятность того, что вы – один из них. Три года назад я была Самым Толстым Подростком Америки. В то время я весила 261,2 килограмма, то есть лишний вес составлял 200 кило. Я не всегда была толстухой. Если вкратце изложить мою историю, то у меня умерла мама, и я растолстела, но каким-то образом все же осталась жива. В этом нет ни малейшей вины моего отца.

Через два месяца после моего спасения мы переехали в другой район на другом конце города. Теперь я могу самостоятельно выходить из дома. Я сбросила почти 121 кило-

грамм. Общий вес двух здоровых людей. Мне осталось скинуть еще 76 кило, и меня это вполне устраивает. Я нравлюсь себе такой. Во-первых, теперь я могу бегать. И ездить на машине. И покупать одежду в торговом центре вместо того, чтобы заказывать ее. И я могу кружиться. Кроме того, я перестала бояться, что у меня откажет какой-нибудь внутренний орган, а это, наверное, самое лучшее в моем теперешнем положении.

Завтра у меня первый школьный день аж с пятого класса. Меня станут называть старшеклассницей, что, согласитесь, звучит куда лучше, чем Самый Толстый Подросток Америки. Но трудно испытывать что-либо иное, кроме ВСЕПОГЛОЩАЮЩЕГО УЖАСА.

Я жду, когда начнется приступ паники.

Джек

Кэролайн Лашемп звонит еще до того, как у меня срабатывает будильник, но я перенаправляю ее на голосовую почту. Знаю – что бы там ни было, это не сулит ничего хорошего, и виноват в этом я.

Она звонит три раза, но оставляет всего одно сообщение. Я едва не удаляю его без прослушивания, но вдруг у нее сломалась машина и она попала в беду. Кэролайн все-таки девушка, с которой я периодически встречался последние четыре года. (Да, мы из *тех самых* парочек. Встречаемся-рас-

стаемся, ссоримся-миримся, а все вокруг полагают, что мы наконец-таки поженимся и умрем в один день.)

Джек, это я. Знаю, сейчас у нас пауза в отношениях или вроде того, но она моя двоюродная сестра. Моя ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА. Я серьезно – моя двоюродная сестра, Джек! Если ты хотел отплатить мне за то, что я с тобой расталась, то поздравляю, урод, тебе это удалось. Если сегодня увидишь меня на занятиях, в коридоре, в столовой или вообще на планете Земля, не заговаривай со мной. И вообще, сделай одолжение и проваливай к черту.

Через три минуты звонит ее кузина, и сначала мне кажется, что она плачет, но потом на заднем плане слышится голос Кэролайн, и кузина принимается орать, а вслед за ней и Кэролайн. Я удаляю сообщение.

Через две минуты приходит эсэмэска от Дэйва Камински – он предупреждает, что Рид Янг хочет дать мне в морду за то, что я приударил за его подружкой. Набираю в ответ: «Я твой должник». И это не пустые слова. Если уж считаться, то Кам выручал меня гораздо чаще, чем я его.

Весь этот шум вокруг девчонки, которая, если честно, была так похожа на Кэролайн Лашемп, что – по крайней мере сначала – я решил, это она и *есть*, а значит, происшедшее неким странным образом должно льстить Кэролайн. Это походило на прилюдное признание, что я хочу вернуться к ней, хотя она и бросила меня в первую неделю лета, чтобы встречаться с Заком Хиггинсом.

Я хочу отправить ей это все эсэмэской, но вместо этого выключаю телефон, закрываю глаза и думаю, как бы перенестись обратно в июль. Тогда меня волновало лишь то, не устроиться ли на работу, а также не пошарить ли по местной свалке, не соорудить ли какие-нибудь (умопомрачительные) проекты в своей (чумовой) мастерской и не потусить ли в компании своих братьев. Жизнь сложилась бы куда легче, если бы в ней присутствовали лишь Джек + свалка + чумовая мастерская + умопомрачительные проекты.

Не надо было тебе ходить на эту вечеринку. И не надо было пить. Ты же знаешь, что после выпивки ты шалеешь. Избегай алкоголя. Избегай скопления людей. И людей избегай. Все кончается тем, что ты их злишь.

Либби

На часах 06.33 утра, я давно встала и теперь любуюсь на себя в зеркало. Не так давно, чуть больше четырех лет назад, я не могла и не желала видеть свое отражение. На меня глядело лишь надутое лицо Мозеса Ханта, кричавшего на всю игровую площадку: «Тебя никто никогда не полюбит, потому что ты жирная!» И лица остальных пятиклассников, когда они принимались хохотать. «Ты такая здоровенная, что луну заслоняешь. Мотай домой, толстомясая, домой, к себе в комнату…»

Сегодня я по большей части вижу лишь себя – миленькое

темно-синее платье, кроссовки, средней длины каштановые волосы, которые моя добрейшая, но немного сдвинутая бабуля однажды описала как «точь-в-точь масть шотландских коров». А еще я вижу отражение своего огромного кота, похожего на гигантский, чуть грязноватый ватный шар. Четыре года назад у него диагностировали порок сердца и дали ему полгода жизни. Но я достаточно хорошо его изучила, чтобы знать: Джордж сам решит, когда настанет время уходить.

А сейчас, по-моему, он велит мне дышать.

Так что я дышу.

Я довольно-таки хорошо научилась управлять дыханием.

Смотрю на свои руки, и они не дрожат, хотя ногти обкусаны до самого мяса, и, что странно, я чувствую себя довольно спокойной. Я понимаю: приступ паники так и не случился. Это повод для маленького праздника, так что я ставлю один из старых маминых альбомов и танцую. Танцевать я люблю больше всего на свете и именно танцам собираюсь посвятить всю свою жизнь. Я не брала уроков с десяти лет, но *танец живет во мне*, и никакое отсутствие тренировки не сможет это изменить.

Я говорю себе: «Может, в этом году ты попытаешься попасть в «Девчат».

Мысли упираются в стену и застывают там, трясясь. *А что, если этого не случится? А что, если ты умрешь до того, как с тобой произойдет что-нибудь хорошее, удивительное или поразительное?* В последние два года единственное,

что меня волновало, – как остаться в живых. Целью всех людей в моей жизни, включая меня саму, было: *мы должны сделать все, чтобы тебе стало лучше*. И вот теперь мне лучше. *Неужели я их всех подведу, после того как они потратили на меня столько времени и сил?*

Я начинаю танцевать быстрее, чтобы отогнать эти мысли, пока в дверь не стучится папа.

– Знаешь, я сам обожаю начать утро с заводной песенки Пэт Бенатар, но возникает вопрос: а как же соседи?

Я немного убавляю громкость, но продолжаю двигаться. Когда песня заканчивается, нахожу маркер и украшаю кроссовку цитатой. ***Пока ты живешь, всегда чего-то ждешь, и даже если знаешь, что будет плохо, что же тут можно поделать? Не можешь же ты перестать жить (Трумен Капоте. Хладнокровное убийство)***. Потом тянусь за помадой, которую бабушка подарила мне на день рождения, наклоняюсь ближе к зеркалу и крашу губы в красный цвет.

Джек

Снизу доносится шум воды в душе и голоса. Накрываю голову подушкой, но слишком поздно – я уже проснулся.

Включаю телефон и посылаю эсэмэску сначала Кэролайн, затем Каму, а потом Риду Янгу. Всем пишу, что был очень пьян (преувеличение), что было очень темно (правда) и что не помню ничего из случившегося, поскольку был не только

пьян, но и в голове у меня творилось невесть что. *Это все из-за хрени у меня дома, о которой я сейчас не могу говорить, так что, если сможешь понять меня и снизойдешь сердцем до прощения, я навеки останусь у тебя в долгу*. Фраза о хрени у меня дома – чистая правда.

В сообщении Кэролайн я добавляю немного комплиментов и покорнейше прошу ее извиниться за меня перед кузиной. Говорю, что не хочу приносить извинения ей лично, поскольку и так много напортачил, и не хочу делать ничего, что бы еще глубже усугубило наш разлад с Кэролайн. И хотя именно *Кэролайн* бросила *меня*, и хотя мы теперь в очередной раз поссорились, и хотя я не видел ее с *июня*, именно я рассыпаюсь в извинениях в своих эсэмэсках.

Плетусь по коридору в ванную. Больше всего на свете мне сейчас нужен продолжительный горячий душ, но вместо него я получаю струйку тепловатой водички, а потом ледяной сход с айсберга. Через шестьдесят секунд – потому что больше не выдерживаю – я вылезаю из душа, вытираюсь и встаю перед зеркалом.

Так значит, это я и есть.

Эта мысль посещает меня всякий раз, когда я вижу свое отражение. Подразумевая не «Вот черт, это же я», а скорее как «Хм, ну ладно. Что тут у нас?». Наклоняюсь ближе, пытаясь сложить воедино части своего лица.

Парень в зеркале вполне ничего себе: высокие скулы, широкий волевой подбородок, один уголок рта слегка припод-

нят, словно он только что закончил рассказывать анекдот. В общем-то даже почти симпатичный. То, как он откидывает голову назад и смотрит вокруг, полузакрыв глаза, наводит на мысли о том, что он привык глядеть на всех свысока, словно умен, крут и знает об этом. И тут мне в башку ударяет, что на самом деле он выглядит как полный урод. За исключением собственно глаз. Они смотрят слишком серьезно, а под ними – темные круги, как будто он не выспался. На нем та же футболка с Суперменом, которую я носил все лето.

Что означает этот рот (мамин) вместе с этим носом (тоже маминым) и этими глазами (сочетанием маминых и папиных)? Брови у меня темнее волос, но не такие темные, как у папы. Кожа светло-коричневая, не такая темная, как у мамы, и не такая светлая, как у папы.

Еще одно, что тут не совсем вписывается, – это волосы. Они такие пышные, как львиная грива, и, похоже, им дозволено делать все, что заблагорассудится. Если он хоть чем-то похож на меня, то смотрящий из зеркала парень все рассчитывает. Даже если у него такая буйная и необузданная прическа в стиле афро, то носит он ее не без причины. Чтобы найти самого себя.

Что-то в том, как все эти черты складываются воедино, и помогает людям находить друг друга в этом мире. Что-то в этом сочетании заставляет их думать: Вот это Джек Масселин.

– Какая у тебя особая примета? – спрашиваю я у своего

отражения, имея в виду настоящую примету, а не прическу в виде львиной гривы. В этот ответственный момент я слышу довольно громкое хихиканье, и за дверью проплывает высокий тощий силуэт. Это явно мой брат Маркус.

– Меня звать Джек, и я такой красавчик, – напевает он, спускаясь по лестнице.

Пять самых неловких моментов моей жизни

(Джек Масселин)

1. Когда мама (сделав новую прическу) забирала меня из детского сада, я в присутствии воспитательницы, других детей и родителей, а также директора обвинил ее в попытке меня похитить.

2. Когда я вступил в любительскую (без ношения формы) футбольную команду в Рейнольдс-парке и пасовал все мячи соперникам, установив рекорд парка в категории «Самый катастрофический и унизительный дебют».

3. Когда я проходил курс лечения у нашего школьного спортивного врача по поводу травмы плеча и, находясь в супермаркете, сказал мужчине, которого принял за нашего

тренера по бейсболу: «Я еще разок схожу на массаж», – после чего узнал, что на самом деле это был мистер Темпл, мамин начальник.

4. Когда я подкатил к Джесселли Виллегас, а это оказалась мисс Арбулата, замещавшая кого-то из заболевших учителей.

5. Когда я решил помириться с Кэролайн Лашемп, а это оказалась ее двоюродная сестра.

Либби

У меня нет водительских прав, так что возит меня папа. Одно из очень многих ожиданий, которые я возлагаю на этот учебный год, – пойти на курсы вождения. Я жду, что отец даст мне какой-нибудь мудрый совет или ободряющее напутствие, но вот самое большее, что он может сказать:

– Такие дела, Либбс. Я заеду за тобой, когда окончатся занятия.

И произносит он это каким-то жутким голосом, словно мы начинаем смотреть фильм ужасов. Потом он улыбается, причем такой улыбкой, которой учат в видеокурсе «Воспитание детей». Это нервная улыбка, приклеенная к уголкам губ. Я улыбаюсь в ответ.

А вдруг я застряну за партой? А вдруг мне придется обе-

дать одной и со мной никто не заговорит до окончания учебного года?

Мой папа – высокий, симпатичный мужчина. Соль земли. Умница (он возглавляет отдел информационной безопасности в одной из крупных компьютерных компаний). Золотое сердце. После того как меня извлекли из дома, он очень из-за этого переживал. Как бы ужасно происшедшее ни сказалось на мне, по-моему, он воспринимал это гораздо болезненнее, особенно обвинения в отсутствии заботы и жестоком обращении. Пресса не могла придумать иных причин, почему мне позволили так растолстеть. Репортеры не знали, к скольким врачам папа меня водил и сколько диет мы перепробовали, даже когда он искренне скорбел о смерти жены. Они не знали о еде, которую я прятала под кроватью и в дальних уголках шкафа. Они не знали, что если уж я что задумала, то обязательно добьюсь своего. А я задумала есть.

Сначала я отказывалась разговаривать с репортерами, но в какой-то момент решилась показать всему миру, что у меня все нормально, а мой отец – не такой мерзавец, каким его выставили: закармливающий меня конфетами и тортами в попытке удержать и сделать зависимой от себя, наподобие тех девчонок из фильма «Девственницы-самоубийцы». Так что вопреки желанию отца я дала интервью новостному каналу из Чикаго, и оно облетело весь мир: Европу, Азию, а потом снова вернулось в Америку.

Видите ли, мой мир переменился, когда мне было десять

лет. У меня умерла мама, что само по себе было прискорбно, но потом начались унижения и издевательства. Не важно, что я рано развилась и мое тело внезапно сделалось для меня слишком большим. Я не виню своих одноклассников. В конце концов, мы были детьми. Но мне просто хочется, чтобы все поняли: одновременно сработало множество факторов: издевательства сверстников, потеря самого близкого человека, приступы паники, возникавшие всякий раз, когда мне приходилось выходить из дома. И во время всех этих страданий папа оставался единственным, кто поддерживал меня как мог.

Теперь я говорю отцу:

– А ты знаешь, что Полин Поттер, самая полная женщина в мире, сбросила почти сорок килограммов во время секс-марафона?

– Никакого тебе секса до тридцати лет.

«Это мы еще посмотрим», – думаю я. В конце концов чудеса происходят каждый день. Что означает – возможно, те ребята, которые так надо мной издевались на игровой площадке, повзрослели и осознали свои ошибки. Может, на самом деле они не такие уж плохие. Или же еще более жестокие. Каждая прочитанная мною книга и каждый увиденный фильм несут один и тот же посыл: школа – это самое тяжелое испытание в жизни.

А что, если я случайно на кого-нибудь наору и сделаюсь Толстухой-Грубиянкой? А что, если не подразумевающие

ничего плохого стройные девчонки примут меня как свою и я стану Лучшей Подругой-Пышкой? А что, если станет ясно, что мое домашнее образование на самом деле дотягивает лишь до восьмого, а не до одиннадцатого класса, потому что я слишком тупая, чтобы понять любую классную работу?

Отец говорит мне:

– От тебя требуется одно: пройти и пережить сегодняшний день. Если ничего не получится, мы можем вернуться к домашнему образованию. Просто дай мне один день. Вообще-то – не мне. А себе самой.

Я говорю себе: «Сегодняшний день». Я говорю себе: «Именно об этом ты мечтала, когда до смерти боялась выйти из дома. Именно об этом ты мечтала, когда полгода лежала в постели. Именно этого ты хотела – быть и жить в мире, как все остальные». Я говорю себе: «Тебе понадобилось два с половиной года тренировочно-реабилитационных лагерей, хождений по консультантам, психологам, врачам, специалистам по коррекции поведения и тренерам, чтобы подготовиться к этому дню. В течение двух с половиной лет ты проходила по десять тысяч шагов в день. И каждый из них вел тебя сюда».

Я не умею водить машину.

Я никогда не была на танцах.

Я полностью пропустила средние классы.

У меня никогда не было бойфренда, хотя я все-таки од-

нажды в лагере целовалась с мальчиком. Его звали Робби, и теперь он остался на второй год где-то в Айове.

Кроме мамы, у меня никогда не было лучшей подруги, если не считать друзей, которых я сама себе выдумала, – трех братьев, живших напротив нашего старого дома. Я назвала их Дином, Сэмом и Кастиэлем, поскольку они ходили в частную школу и настоящих их имен я не знала. Я притворялась, что они мои друзья.

Отец так нервничает и так исполнен надежды, что я хватаю свой рюкзак и выталкиваю его на тротуар, после чего стою напротив школы, а мимо меня идут люди.

А вдруг я стану опаздывать на все уроки, потому что не могу слишком быстро ходить, и меня заставят оставаться после занятий, а там я увижу единственных ребят, которые обратят на меня внимание: наркоманы и малолетние преступники, – потом влюблюсь в одного из них, забеременею, вылечу из школы еще до выпуска и проживу с отцом до конца жизни или по крайней мере до того, как ребенку исполнится восемнадцать?

Я едва не возвращаюсь к машине, но отец по-прежнему сидит там, продолжая обнадеживающе улыбаться.

– Такие дела.

На этот раз он говорит эти слова громче и – клянусь – показывает мне в знак поддержки поднятый вверх большой палец.

Вот почему я сливаюсь с общим потоком, который под-

хватывает меня и несет до самых дверей, где я жду своей очереди, чтобы открыть рюкзак для осмотра охранником, пройти через металлодетекторы и попасть в длинный коридор, разветвляющийся в разные стороны. Меня толкают руками и локтями. Я думаю: «Где-то в этой школе может быть парень. Один из этих милых молодых людей может оказаться тем, кто в конце концов покорит мое сердце и тело. Я – Полин Поттер из средней школы Мартина Ван Бюрена – намереваюсь сексом сбросить с себя лишний вес». Я гляжу на всех проходящих мимо ребят. *Может, это вон тот парень или же вот этот. Вот в чем красота этого мира. Сейчас парень вон там или вот тут ничего для меня не значит, но скоро мы встретимся и изменим мир – мой и его*.

– Да шевелись ты, толстозадая, – бросает кто-то. Я чувствую, как эти слова колют меня, словно иголкой, словно мир пытается проколоть меня, как прокалывает пузырь моих мыслей. Я медленно двигаюсь вперед. Моя полнота обладает великим преимуществом – я могу проложить себе дорогу.

Джек

Как и прическа, машина тоже часть имиджа. Это отреставрированный «Ленд Ровер» 1968 года, который мы с Маркусом выкупили у престарелого дяди. Сперва его использовали на полевых работах, потом он просто ржавел сорок с лишним лет, но теперь это частично джип, частично внедо-

рожник, и в нем сто процентов крутизны.

Сидящий на пассажирском месте Маркус дуется.

– Урод, – произносит он вполголоса, отвернувшись. К несчастью для меня, он месяц назад получил водительские права.

– Ты просто душка. Надеюсь, одиннадцатый класс не нанесет вреда твоему мальчишескому очарованию. Будешь рулить в следующем году, когда я стану учиться в колледже.

Если я в колледж поступлю. Если вообще уеду из этого городка.

Он показывает мне средний палец. Сидящий сзади наш младший брат Дасти пинает ногой спинку сиденья.

– Хватит вам цапаться.

– Мы не цапаемся, мелкий.

– Вы прямо как мама с папой. Сделай музыку погромче.

Пару лет назад мои родители вполне между собой ладили. Но потом у папы диагностировали рак. За неделю до подтверждения диагноза я обнаружил, что отец изменяет маме. Он не знает, что мне это известно, и я не уверен, знает ли об этом мама, но иногда теряюсь в догадках. Теперь, кстати, рака у него нет, но все это прошло нелегко, особенно для десятилетнего Дасти.

Я прибавляю звук, из динамиков бухает старый хит Джастина Тимберлейка «Сексибэк», и я чувствую, что снова оказываюсь в своем личном пространстве. У меня есть четыре любимые песни, под которые я бы хотел входить в любое по-

мещение, и это одна из них.

Мы тормозим у ворот школы Дасти, и он выпрыгивает из машины, прежде чем я успеваю его остановить. Бросаюсь за ним, прихватив ключи, чтобы Маркус не смог укатить без меня.

Этим летом Дасти начал ходить с сумкой на тонком ремешке. И никто ничего не сказал – ни мама, ни папа, ни Маркус.

Дасти одолевает половину дорожки, прежде чем я нагоняю его. Из всех нас троих кожа у него самая темная, а волосы – цвета потемневшей медной монеты. Вообще-то говоря, мама наполовину темнокожая, наполовину луизианская креолка, и папа – белый еврей. Дасти такой же темнокожий, как и мама. Маркус, напротив, светлый – светлее и быть не может. А я? Я – просто Джек Масселин, такой, какой есть.

– Не хочу опаздывать, – говорит Дасти.

– Не опоздаешь. Я просто хотел… Ты уверен насчет сумки, мелкий?

– Мне нравится. Я могу туда все запихнуть.

– Мне тоже нравится. Это и вправду классная сумка. Но я не уверен, что остальные заценят ее так же, как и мы. Могут найтись ребята, которые станут тебе завидовать из-за сумки и насмехаться над тобой.

Я вижу примерно десяток таких, шествующих мимо нас.

– Не будут они завидовать. Они подумают, что она чудна́я.

– Я не хочу, чтобы хоть кто-то над тобой насмехался.

– Если мне хочется носить сумку, я буду ее носить. И не перестану ее носить только потому, что она кому-то там не нравится.

И в эту секунду этот тощий парнишка с оттопыренными ушами становится для меня героем. Когда он уходит, я смотрю, как он двигается, прямой, как стрела, с гордо поднятым подбородком. Мне хочется проводить его до школы и убедиться, что с ним ничего не произойдет.

Семь профессий для страдающих прозопагнозией

(Джек Масселин)

1. Пастух (исходя из того, что неспособность распознавать лица не распространяется на собак и овец).

2. Оператор по взиманию дорожных сборов (исходя из того, что никто из тех, кого ты знаешь, не поедет по дороге, где ты работаешь).

3. Рок-звезда, член бой-бенда, баскетболист команды Национальной баскетбольной лиги или нечто в этом роде (где люди считают, что у тебя огромное самомнение, и не удив-

ляются тому, что ты их не помнишь).

4. Писатель (наиболее рекомендуемое поле деятельности для людей с социальными фобиями и расстройствами).

5. Выгульщик собак / дрессировщик (см. п. 1).

6. Бальзамировщик (разве что я могу перепутать тела).

7. Отшельник (самое идеальное, вот только доход мизерный).

Либби

Я прокладываю себе дорогу до класса, где будет первый урок, и сажусь в ближайшем к выходу ряду на тот случай, если мне в какой-то момент придется убежать. Я *как раз* вписываюсь за стол. Под блузкой у меня вся спина мокрая, а сердце немного колотится. Хотя этого никто не видит. По крайней мере я надеюсь, что никто этого не замечает, потому что нет ничего хуже, чем прослыть потной толстухой. В класс один за другим входят мои одноклассники, некоторые таращатся на меня. Один или два хихикают. В лицах подростков я не узнаю никого из одиннадцатилетних ребят, которых когда-то знала.

Но школа представляет собой именно то, что я ожидала, и

в то же время чуть больше. Во-первых, в средней школе Мартина Ван Бюрена учатся около двух тысяч человек, так что там всегда царит суматоха. Во-вторых, школьники не выглядят такими прилизанными и ухоженными, как в теле- и кинофильмах о средней школе. Настоящим подросткам не по двадцать пять лет. У кого-то прыщавые лица плюс сальные волосы, у кого-то чистые лица и хорошие волосы, и все мы разного роста и комплекции. Реальные мы нравятся мне куда больше наших телеверсий, хотя, сидя в классе, чувствую себя так, словно я актриса, играющая какую-то роль. Я – выброшенная на берег рыба, новенькая в школе. *Как сложится моя жизнь?*

Решаю для себя, что начинаю здесь все с чистого листа. И что бы со мной ни происходило в одиннадцать, двенадцать, тринадцать лет, теперь не существует. Я изменилась. Они тоже другие, по крайней мере внешне. Возможно, они и не вспомнят, что я *та самая девчонка*. А напоминать об этом я не собираюсь.

Я смотрю им в глаза и одариваю новой папиной фирменной улыбкой, приклеенной к уголкам губ. Это, кажется, их удивляет. Кое-кто улыбается в ответ. Севший рядом со мной парень протягивает мне руку:

– Мик.

– Либби.

– Я из Копенгагена. Я здесь по программе школьного обмена. – Даже несмотря на волосы цвета воронова крыла, он

очень похож на викинга. – А ты из Амоса?

Мне хочется ответить: «Я тут тоже по обмену. Я из Австралии. Я из Франции». Но последние пять лет я разговаривала лишь с мальчишками из тренировочно-реабилитационных лагерей и поэтому ничего не говорю, а лишь киваю.

Он рассказывает мне, как сначала сомневался, ехать ли сюда вообще, но потом решил, что будет очень любопытно и полезно увидеть самое сердце Штатов и «то, как живет большинство американцев». Во всех смыслах.

Я с трудом выдавливаю из себя вопрос:

– Что тебе больше всего нравится в Индиане?

– То, что я однажды соберусь и уеду домой.

Он смеется, и я тоже, и тут в класс входят две девчонки, моментально впиваясь в меня глазами. Одна из них что-то шепчет другой, и они усаживаются перед нами. Что-то в них мне кажется знакомым, но я не могу понять, что именно. *Может, я знала их раньше*. По коже у меня бегут мурашки, и меня снова одолевает чувство, что вот-вот начнется фильм ужасов. Я смотрю на потолок, словно оттуда на меня сейчас рухнет рояль. Потому что знаю: неприятности откуда-нибудь да нагрянут. Так всегда случается.

Я говорю себе, что дам шанс Мику, дам шанс этим девчонкам, дам шанс сегодняшнему дню, а больше всего – дам шанс себе самой. После того как я потеряла маму, раскормила себя чуть ли не до смерти, как меня буквально вырезали из собственного дома на глазах у всей страны, а затем я

перенесла ужасные комплексы упражнений и диеты вкупе с неприязнью соотечественников, получая пышущие ненавистью письма от совершенно незнакомых людей.

Просто отвратительно видеть, как кто-то позволяет себе разъедаться до таких размеров, и не менее отвратительно то, что Ваш отец не принимает против этого никаких мер. Надеюсь, Вы это переживете и облегчите душу перед Богом. Во всем мире столько людей голодают, и просто позорно, что Вы так много едите, в то время как другие недоедают.

И вот я вас спрашиваю: может ли средняя школа сделать то, чего со мной еще не делали?

Джек

У нас в запасе есть минутка, когда мы вкатываемся на парковку на последнее свободное место в ряду машин. Маркус роняет телефон, и когда он снова выпрямляется, передо мной словно совершенно новый человек. Как будто у меня в голове сбрасывается в исходное состояние игрушка «Волшебный экран» и приходится начинать все сначала, соединяя разрозненные части:

Косматые волосы + вытянутый подбородок + длинные жирафьи ноги = Маркус.

Не успевает «Ленд Ровер» остановиться, как он выскакивает на улицу и уже кого-то зовет. Мне хочется сказать: «По-

дожди меня. Не заставляй идти туда одного». Хочется схватить брата за руку и не отпускать, чтобы не потерять его. Вместо этого я, не мигая, гляжу на него, иначе он исчезнет. Потом он сливается с общим потоком, движущимся к школе, как стадо.

В царстве зверей существует масса определений для групп животных. Упорство зебр. Кровожадность ворон. Суровость воронов. И мое любимое – неуклюжесть панд. А как назвать эту группу? Приводящие в ужас ученики? Вызывающие кошмары подростки? Забавы ради, я всматриваюсь в лица проходящих мимо меня людей, выискивая среди них своего брата. Но это словно пытаться выбрать любимого белого медведя из целого выводка.

Я сижу тридцать секунд, наслаждаясь одиночеством: *30, 29, 28, 27…*

Вот и все на целый день, пока я не вернусь домой. За эти тридцать секунд я позволяю себе думать о том, о чем не позволю думать в последующие восемь часов. Песня всегда начинается одинаково.

У меня мозги набекрень…

Либби

Урок идет уже двадцать минут, и на меня никто не таращится. Наша учительница, миссис Белк, что-то нам рассказывает, и пока я понимаю, о чем она ведет речь. Мик

шепотом отпускает мне умные комментарии, что делает его или моим новым лучшим другом, или будущим бойфрендом, или, возможно, парнем, с которым я при помощи секса сброшу лишний вес.

Ты вписываешься в здешнюю обстановку так же, как все остальные. Никто не знает, кто ты. Да и кому какое дело. Вот такие дела, подруга. Не прыгай выше головы, но мне кажется, что у тебя все получается.

Тут я смеюсь над очередным комментарием Мика, *и что-то вылетает у меня из носа, плюхаясь на его раскрытый учебник*.

– Потише, пожалуйста, – произносит миссис Белк и продолжает вести урок.

Я буквально впиваюсь в нее глазами, но по-прежнему вижу Мика периферийным зрением. Я не уверена, что он заметил, чем я в него выстрелила, а посмотреть не решаюсь. *Пожалуйста, не замечай этого*.

Он продолжает нашептывать, словно ничего не случилось, словно мир не рухнет, но теперь мне хочется лишь закрыть глаза и умереть. Я вовсе не с этого хотела начинать. И совсем не это я себе воображала, лежа без сна прошлой ночью и представляя себе триумфальное возвращение в общество сверстников.

Может, он подумает, что это такая странная американская традиция. Нечто вроде эксцентричного обычая приветствовать приезжающих в нашу страну иностран-

цев.

Остаток урока я напряженно слежу за тем, что рассказывает миссис Белк, упершись взглядом в стену класса.

* * *

Когда звенит звонок, две показавшиеся знакомыми девчонки оборачиваются и пристально смотрят на меня, и я вижу, что это Кэролайн Лашемп и Кендра Ву, которые мне знакомы с первого класса. После того как меня вызволили из моего дома, репортеры брали у них интервью, описывая обеих как близких подруг попавшей в беду девочки. В последний раз, когда я видела их лично, Кэролайн представляла собой домашнюю одиннадцатилетнюю девчушку, которая постоянно носила шарф с Гарри Поттером, какая бы жара на улице ни стояла. Еще ее отличало от остальных то, что она переехала в Амос из Вашингтона, где ходила в детский сад, а также то, что она ужасно стеснялась своих ног с очень длинными пальцами, загибавшимися вниз, словно когти попугая. О Кендре мне запомнилось то, что она писала фан-прозу о Перси Джексоне у себя на джинсах и каждый день из-за чего-то плакала – из-за мальчиков, домашних заданий, дождя.

Теперь Кэролайн, конечно же, вымахала за два метра ростом и превратилась в красотку, которой впору рекламировать шампунь. Она носит юбку и короткий обтягивающий жакет, словно ходит в частную школу. Кендра, у которой

улыбка, похоже, вытатуирована на лице, одета во все черное и достаточно миловидна для того, чтобы работать распорядительницей в ресторане «Эпплби» в престижном районе города.

– Я видела тебя раньше, – говорит мне Кэролайн.

– Я постоянно это слышу. – Кэролайн пристально вглядывается в меня, и я понимаю, что она пытается меня вспомнить. – Я тебе помогу. Меня все путают с Дженнифер Лоуренс, хотя мы даже не родственницы. – Брови у нее приподнимаются, словно резиновые жгутики. – Я же знаю, верно? В это трудно поверить, но я заходила на генеалогический сайт Ancestry.com и тщательно там все проверила.

– Ты та девчонка, которая не смогла выбраться из дома. – Она обращается к Кендре: – Пожарным пришлось буквально вырезать ее оттуда, помнишь? Мы были в новостях.

Она сказала не «ты Либби Страут, девчонка, которую мы знаем с первого класса», а «ты та девчонка, которая не смогла выбраться из дома и из-за которой мы попали в телевизор».

Мик из Копенгагена за всем этим наблюдает. Я говорю:

– Ты снова думаешь о Дженнифер Лоуренс.

Голос у Кэролайн становится тихим и сочувственным:

– Как у тебя дела? Я так волновалась. Даже представить себе не могу, что тебе тогда пришлось испытать. Но Господи Боже, ты так много веса сбросила. Правда, Кендра?

Номинально Кендра по-прежнему улыбается, но верхняя

часть ее лица нахмурена.

– Да, много.

– Ты очень симпатично выглядишь.

Кендра по-прежнему улыбается-хмурится.

– Мне очень нравятся твои волосы.

Одна из худших фраз, которую хорошенькая девчонка может сказать толстушке, – это «ты очень симпатично выглядишь». Или же «мне очень нравятся твои волосы». Я понимаю, что сборище одних лишь красоток ничем не лучше сборища одних лишь толстушек. И я также понимаю, что быть можно одновременно и красоткой, и толстушкой (здрасте вам!), но по опыту знаю, что подобные фразы девчонки вроде Кэролайн Лашемп и Кендры Ву говорят тебе тогда, когда на самом деле думают совсем о другом. Это комплименты из жалости, и я чувствую, как умирает частичка моей души. Не говоря ни слова, Мик из Копенгагена встает и выходит из класса.

Джек

Кэролайн Лашемп – моя подружка. Ну, почти что подружка. Думаю, так сложилось потому, что она была взбалмошная, милая, но более всего – умная. Когда я на нее запал, она относилась к тому типу людей, которые не выставляют свой ум напоказ, – это пришло позже. Тогда она непринужденно сидела и впитывала все как губка. Мы разговаривали по те-

лефону после того, как все ложились спать, и она рассказывала, как у нее прошел день, – что она видела, о чем думала. Иногда мы болтали всю ночь напролет.

Сегодняшняя Кэролайн – высокая и эффектная, но главная ее особенность состоит в том, что она может расколоть компанию. Она нагоняет страху на всех, даже на учителей, по большей части потому, что теперь высказывается – *всегда* – и говорит все, как есть. Главная причина, по которой мы по-прежнему поддерживаем отношения, – это их история. *Я знаю, что она должна находиться где-то рядом, даже если нет никаких признаков ее присутствия*. Новая Кэролайн появилась внезапно в десятом классе, и это означает, что прежняя Кэролайн может (вероятно) вернуться в любой момент. Другая причина состоит в том, что мне почти всегда ее легко узнать.

Я сворачиваю в свой самый нелюбимый коридор за библиотекой, туда, где находится запирающийся шкафчик Кэролайн. Когда я учился в девятом классе, то подрабатывал в библиотеке, и если вдруг наталкивался на кого-то из ее сотрудников, они все со мной здоровались и спрашивали, как моя семья, а я вроде бы должен был знать, кто они.

Когда я иду, окружающие здороваются со мной, и это тоже кошмар какой-то. Я добавляю в походку немного развязности, слегка улыбаясь всем подряд, шагаю непринужденно, но, очевидно, обделяю кого-то вниманием, потому как слышу за спиной:

– Урод.

Воды ненадежны. И зыбки. Это первое, что я узнал о школе. Сегодня ты всеобщий любимец, назавтра – изгой. Просто спросите Люка Ревиса – самый назидательный пример в истории нашей школы. В девятом классе Люк был героем, пока все не узнали, что отец у него сидел в тюрьме. Теперь Люк тоже сидит, и лучше бы вам не знать за что.

В данный момент коридор просто кишит потенциальными Люками. Одного мальчишку запихивают в шкафчик. Другой спотыкается о чью-то подставленную ногу и врезается в кого-то еще, а тот отталкивает его, пока бедняга не начинает перелетать от одного парня к другому, словно волейбольный мяч. Девчонки последними словами кроют одну девочку прямо той в лицо, пока она не отворачивается с красными от слез глазами. Еще одна девчонка идет со свисающей со спины большой алой буквой «А», отчего народ хихикает ей в спину, потому что к этой шутке приложили руку все, кроме Эстер Принн – героини романа «Алая буква». На одного смеющегося в коридоре приходится пятеро, имеющие жалкий или кошмарный вид.

Я пытаюсь себе представить, что бы произошло, если бы все в школе знали обо мне: они просто подходили бы ко мне и крали что-нибудь или угнали бы мою машину, потом вернулись бы и принялись помогать мне ее искать. Это парень мог бы выдавать себя за того, а эта девчонка – вон за ту, и всем было бы до чертиков весело. Все бы ржали, кроме меня.

Мне хочется шагать, пока не дойду до главной двери на улицу, а потом рвануть отсюда к чертовой матери.

– Погоди, Масс, – слышу я у себя за спиной и прибавляю шагу.

– Масс!

Вот зараза! Да отвали ты, кто бы ты ни был.

Парень переходит на бег и догоняет меня. Он примерно моего роста и довольно коренастый. У него каштановые волосы, и одет он в ничем не примечательную рубашку. Я оглядываю его рюкзачок, книгу в руках, ботинки – все, что может подсказать, кто же это. А он тем временем завязывает разговор.

– Брат, тебе надо слух проверить.

– Извини. У меня встреча с Кэролайн.

Если он ее знает, это сработает.

– Вот черт.

Он ее знает. Что касается Кэролайн Лашемп, то большинство людей разделяется на два лагеря – на тех, кто в нее влюблен, и на тех, кто от нее в ужасе.

– Неудивительно, что ты где-то в другом месте. – Его слова и интонация указывают, что он относится к лагерю «ужаснутых». – Я просто подумал, что ты, может, захочешь сказать мне это в лицо.

Еще один кошмар – когда в разговоре тебе не от чего оттолкнуться.

– Что сказать-то?

– Ты это серьезно? – Он останавливается посреди коридора, и щеки у него начинают багроветь. – Она моя *подружка*. Тебе еще повезло, что я из тебя дух не вышиб.

Это почти на сто процентов Рид Янг, но существует вероятность, что кто-нибудь еще. Я решаю отделываться общими фразами, взяв насколько возможно конкретный тон.

– Ты прав. Мне повезло, и не думай, что я этого не оценил. Я твой должник.

– Это да.

Я слышу громкие и возбужденные голоса, словно у грабящих деревню бандитов. Люди прижимаются к стенам, и появляется пара парней, огромных, как футбольное поле. Они спрашивают:

– Как жизнь, Масс? Слышали, ты здорово зажег на вечеринке.

Оба истерически смеются. Может, я их и не узнаю́, но они явно мои друзья. Один из них задевает плечом какого-то мальчишку, после чего говорит бедняге, чтобы тот смотрел, куда прет.

– Парень, маленьких уважать надо, – говорю я футбольному полю. Потом киваю Риду и обращаюсь к нему: – Да, брат. Ты хороший друг.

Это не совсем так, но мы с ним играем в одной бейсбольной команде с девятого класса.

– Ладно. Мне очень хочется хорошенько тебе надавать, но только чтобы это в последний раз.

– В самый последний.

Он смотрит в сторону библиотеки. Напротив нас, у ящичков, стоит девушка и разговаривает по телефону. Парень вздрагивает.

– Не хотел бы я сейчас оказаться на твоем месте.

И быстро скрывается в противоположном направлении в сопровождении футбольных полей в человеческом облике.

Подходя ближе к девушке, я замечаю светлые глаза на фоне темной кожи и родинку, которую она рисует рядом с правой бровью, хотя все знают, что эта родинка ненастоящая.

Беги, пока еще есть возможность.

Девушка поднимает взгляд.

– *Серьезно?* – спрашивает она, и да – это Кэролайн. Она не ждет, просто поворачивается, чтобы войти в библиотеку, где я за столом вижу библиотекарей, ждущих, пока я зайду, чтобы там потешаться надо мной.

Я хватаю ее за руку, резко разворачиваю, и хотя мне этого не хочется, прижимаю к себе и крепко целую.

– Вот что мне надо было сделать в субботу, – говорю я, разжимая объятия. – Вот что надо было делать все лето.

Ахиллесова пята Кэролайн – романтические комедии и любовные романы про вампиров. Ей хочется жить в мире, где горячий парень страстно обнимает девушку и впивается в нее поцелуем, потому что он настолько одержим желанием, что теряет остатки разума. Так что я касаюсь ее лица, завожу прядь волос за ухо, стараясь не испортить прическу, иначе

она разъярится. По какой-то причине мне трудно смотреть человеку в глаза, а это значит, что я смотрю на ее губы.

– Ты такая красивая.

Осторожнее. Ты именно этого хочешь? Мы это уже проходили, дружище. Что, и вправду хочется снова повторить?

Но в глубине души я нуждаюсь в ней. И ненавижу себя за это.

Я чувствую, что она смягчается. Если я достаточно хорошо знаю Кэролайн, то это самый лучший подарок, который я только мог ей преподнести, – сделать так, чтобы простила *она*. Кэролайн не улыбается – она теперь вообще редко улыбается, – но опускает взгляд, внимательно рассматривая что-то на полу. Уголки ее рта опускаются. Она все обдумывает и наконец произносит:

– Ты просто негодяй, Джек Масселин. Сама не знаю, почему я даже разговариваю с тобой.

Что на ее языке означает: я тоже тебя люблю.

– А как же Зак?

– Я бросила его две недели назад.

Вот так – мы снова вместе.

Она берет меня за руку, и мы идем по коридорам, и сердце мое бьется чуть быстрее, и я начинаю чувствовать, что я *в безопасности*. Даже сама этого не зная, она станет моим проводником. Она скажет мне, кто есть кто. Мы – Кэролайн и Джек, Джек и Кэролайн. Пока я рядом с ней, *я в безопасности. В безопасности. В безопасности*.

Либби

По словам мистера Домингеса, если бы он не преподавал на курсах вождения, то изымал бы машины. Не из-за невыплат по кредитам на автомобили. Нет, он отбирал бы машины у плохих водителей, а потом, подобно Робин Гуду, передавал бы их в детские дома или же хорошим водителям, которые не могут позволить себе авто. Трудно сказать, серьезно он это говорит или нет, поскольку начисто лишен чувства юмора и осуждающе смотрит на все вокруг. Он самый сексуальный мужчина из всех, кого я видела.

– Множество школ закрывают курсы вождения и отсылают учащихся брать уроки где-то еще… – Фразу «где-то еще» он произносит так, словно это темные и жуткие трущобы или лесные чащи. – Но мы обучаем вас, потому что судьба наших учеников нам небезразлична.

Затем он показывает нам фильм, где автомобили врезаются сзади в фуры и их затягивает под задний бампер. Сначала парень по имени Тревис Кирнс смеется, но затем бормочет финальное: «Вот черт», – и умолкает. Через десять минут даже Бейли Бишоп не улыбается, а Моника Бентон просится выйти, потому что ее тошнит.

После ее ухода мистер Домингес спрашивает:

– Еще желающие есть? – Словно Моника вышла в знак протеста, а не держась за живот. – Согласно статистике, вы

должны погибнуть в автокатастрофе, прежде чем вам исполнится двадцать один год. Я здесь затем, чтобы сделать все возможное, чтобы ничего подобного не произошло.

У меня мурашки по телу бегут. Такое ощущение, что он готовит нас к схваткам, словно Хеймитч наших Китнисс. Бейли произносит:

– Вот дьявол! – это ее эквивалент совсем уже непристойной фразы.

Все сразу скисают, кроме меня.

Это оттого, что в тот момент, когда на экране голова погибшего в катастрофе катится по шоссе, я точно осознаю́, какую роль мне хочется играть на этих курсах и в школе вообще. Не желаю становиться частью статистики – я побеждала статистику бо́льшую часть жизни. Не собираюсь оказаться водителем, которого разрывает металлом под фурой. Я хочу стать девушкой, способной достичь всего. Хочу стать той, кто попытается попасть в группу «Девчата», *и ее примут в коллектив*.

Я поднимаю руку. Мистер Домингес кивает, и у меня по коже словно ток пробегает.

– А когда мы начнем вождение?

– Как только будете готовы.

Восемь самых мерзких вещей, которые я ненавижу в онкологии

(Джек Масселин)

1. Она передается по наследству, а это означает, что даже если ты мой ровесник, то все равно чувствуешь мишень у себя на спине.

2. Она передается по наследству у меня в семье.

3. Она разит внезапно, как метеорит, как гром среди ясного неба.

4. Химиотерапия.

5. Все это чрезвычайно серьезно. (Иными словами, что бы ты ни делал, не улыбайся и не смейся ни над чем в попытке поднять настроение.)

6. Необходимость подкупать / торговаться с Богом, даже если ты не уверен, что Он существует.

7. Когда ты в десятом классе, у твоего отца диагностируют рак – через неделю после того, как ты узнал, что он изменяет твоей матери.

8. Видеть, как плачет мама.

Либби

По пути на четвертый урок я захожу в кабинет Хизер Алперн. Она ест яблочные дольки, скрестив длинные ноги и грациозно положив длинные руки, похожие на кошачьи лапки, на подлокотники кресла. До того, как стать тренером и руководителем «Девчат», она выступала в кордебалете ансамбля киноконцертного зала «Радио-сити». Она такая красавица, что я не могу смотреть прямо ей в лицо. Упираюсь взглядом в стену и говорю:

– Я хотела бы подать заявку на участие в «Девчатах».

Жду, пока она мне скажет, что у них есть ограничения по весу и я их очень сильно превышаю. Жду, пока она закинет назад прекрасную головку и истерически рассмеется, прежде чем указать мне на дверь. Ведь «Девчата» – коллектив высокого уровня. Помимо футбольных и баскетбольных матчей, они участвуют во всех больших городских мероприятиях – торжественных открытиях, парадах, религиозных празднествах и концертах.

Но вместо этого Хизер Алперн роется в ящике стола и

достает бланк.

– Сезон официально начался этим летом. Если никто не уйдет, то следующего отборочного периода придется ждать до января.

Я спрашиваю, упершись взглядом в пол:

– А если кто-то уйдет?

– Тогда мы проведем кастинг. Сделаем объявление и разошлем листовки. – Она подает мне бланк. – Заполните заявление и принесите мне, а я занесу его в файл. И не забудьте обязательно получить разрешение родителей.

Затем она улыбается очаровательной подбадривающей улыбкой, как Мария в «Звуках музыки», и я выплываю в коридор, словно наполненная гелием.

Я подпрыгиваю и подскакиваю, как воздушный шар, паря по коридорам и чувствуя себя хранительницей величайшей тайны мира. *Может, вы обо мне этого и не знаете, но я обожаю танцевать*.

Я всматриваюсь в лица всех проходящих мимо меня и гадаю, какие же тайны они хранят, и тут на меня кто-то налетает. Это дубоватого вида парень с широким пунцовым лицом.

– Привет, – произносит он.

– Привет.

– Это правда, что толстухи лучше всех делают минет?

– Не знаю. Лично мне толстуха минет никогда не делала.

Нас обходят с обеих сторон, и кто-то смеется над этой шуточкой. Глаза его становятся ледяными, и вот она – нена-

висть, которую может к тебе испытывать совершенно незнакомый человек, даже если он тебя не знает, просто ему почему-то *кажется*, что он тебя знает или ненавидит тебя такой, какая ты есть.

– По-моему, ты просто отвратительна.

– Если тебе от этого полегчает, то, по-моему, ты тоже, – отвечаю я.

Он бормочет что-то похожее на «жирная шлюха». Наверное, именно это. Не имеет никакого значения, что я девственница. Я должна была бы тысячу раз заняться сексом со всеми парнями, которые меня так обзывают с пятого класса.

– Оставь ее в покое, Стерлинг, – раздается голос девушки с длинными развевающимися волосами и ногами, растущими, как говорится, от коренных зубов. Бейли Бишоп. Если сегодняшняя Бейли чем-то напоминает Бейли тогдашнюю – значит, она серьезная, общительная, популярная и обожает Иисуса. Она просто очаровательна. Все ее любят. Она заходит в комнату в ожидании понравиться людям, и она им нравится, потому что как может не нравиться такой очаровательный человек?

– Привет, Либби. Не знаю, помнишь ли ты меня… – Она не берет меня под руку, но могла бы. Голос у нее по-прежнему мелодичный, и каждое предложение она заканчивает на высокой, счастливой ноте. Такое впечатление, что она почти поет.

– Привет, Бейли. Я тебя помню.

– Я так рада, что ты вернулась.

Тут она все же обнимает меня, и мне в рот случайно попадают ее волосы, у которых вкус персиков пополам со жвачкой. Именно такой вкус, понимаете, и должен быть у волос Бейли Бишоп.

Мы отстраняемся друг от друга, и она стоит, широко улыбаясь и раскрыв глаза, ямочки у нее на щеках светятся, и вся она прямо сияет. Пять лет назад Бейли была моей подругой, настоящей, а не выдуманной. Пять лет – срок немалый. Тогда между нами почти не было ничего общего, и я не уверена, появится ли это общее теперь. Но я говорю себе: «Будь милой. Возможно, она единственный человек, с которым ты подружишься».

Она зовет проходящую мимом девушку и говорит мне:

– Хочу, чтобы ты познакомилась с Джейви. Джейви, это Либби.

– Привет. Как житуха? – отзывается Джейви. Ее пышные черные волосы коротко острижены, а на футболке красуется надпись «Мой настоящий бойфренд – вымысел».

Бейли вся светится, словно маяк.

– Джейви два года назад приехала сюда с Филиппин. – Я жду, пока она скажет Джейви, что это мой первый год в школе после долгого затворничества, но она лишь произносит: – Либби тоже новенькая.

Джек

Четвертым уроком у нас высшая химия. Ведет его Моника Чапмен. Преподаватель точных и естественных наук. Жена. И женщина, которая спала с моим отцом. Как правило, учителей узнать гораздо легче, чем учеников, по трем причинам. Их меньше, чем нас. Даже молодые учителя одеваются строже, чем мы. У нас есть полное право смотреть на них целыми днями (то есть у меня больше времени распознать их приметы).

Ничего из этого в случае с Чапмен мне не помогает. Раньше я никогда не бывал у нее на занятиях, и вся она такая *молодая* и обыкновенная. В том смысле, что вы, наверное, подумаете, что женщина, с которой ваш отец решает изменить вашей маме, настолько примечательна во всех отношениях, что даже человек, который никого не помнит, обязательно ее узнает.

Я выбираю место в заднем ряду, у окна, и кто-то садится рядом со мной. У него такой взгляд, которым люди смотрят на тебя, когда тебя знают, и предполагают, что ты их знаешь. Вот так он на меня сейчас и смотрит.

– Привет, брат, – говорит он.

– Привет.

В какой-то момент группка девушек распадается, и одна из них подходит к доске в другом конце класса. Она обводит

всех взглядом, представляется, замечает меня, и тут ее лицо каменеет, всего на мгновение, прежде чем она вспоминает, что надо улыбаться.

После того как все успокаиваются, Моника Чапмен начинает рассказывать нам о различных направлениях химии, а я могу думать лишь об одном – о той области химии, о которой она не упоминает и которой воспользовалась, чтобы завести роман с моим отцом.

Узнал я об этом через Дасти. Именно он заметил эсэмэску на папином телефоне. Аппарат лежал на видном месте. Папа куда-то вышел, а Дасти искал, что бы ему прибавить в свою коллекцию – как и я, он все время что-то собирает, – а чуть позже сказал мне:

– А я думал, что нашу маму зовут Сара.

– Ее и зовут Сара.

– А тогда кто такая Моника.

Выходит, что этот гад даже не удосужился сменить ее имя на телефоне. Так оно там и красовалось: *Моника*. Хуже того, это был не его обычный телефон, а какой-то другой, который он, наверное, купил специально для разговоров с ней. Чтобы разобраться в том, *что же это за Моника*, потребовалось потрудиться, но верьте слову – это она.

Теперь она переходит к физической химии, и я поднимаю руку.

– У тебя вопрос, Джек?

Еще какой, думаю я. Если я смогу выговорить следующие

слова, случится чудо, потому что чувствую, что грудь у меня вдавило в глотку.

– Вообще-то я хотел рассказать вам то, что знаю о физической химии.

Сидящий рядом со мной парень – кажется, Дамарио Рейнз – кивает, глядя в стол, и кое-кто из девчонок поворачивает голову, чтобы услышать, что я собираюсь сказать. Они все на одно лицо, и я гадаю, хотят ли они выглядеть именно так или хотя бы знают ли об этом. Они ждут, что я скажу что-нибудь умное. Это по ним видно. К тому же никто не знает, что произошло между Чапмен и моим отцом. Даже Маркус не в курсе, и я хочу сохранить все так, как есть.

– Пожалуйста, Джек, – отвечает Чапмен совершенно нормальным голосом, беззаботным и четким, с легким оттенком мичиганского или висконсинского говора.

– Физическая химия применяет физические теории для изучения химических систем, включающих в себя реакционную кинетику, химию поверхностных явлений, молекулярно-квантовую механику, термодинамику и электрохимию.

Я улыбаюсь ослепительной улыбкой, которая соперничает со светом в классе и бьющим в окна солнцем. Хочу ослепить ее этой поганой улыбкой, чтобы она больше не смогла встречаться с моим отцом. Сидящая через два стола девчонка широко мне улыбается, но остальные выглядят смущенными и несколько разочарованными. Парень, который, кажется, Дамарио, бормочет, уткнувшись в стол:

– Ну, ты дал.

Из этих слов я понимаю, какой же я «обломщик».

– Вообще-то я думаю, что больше всего мне нравится электрохимия. Есть что-то зажигательное в хорошей химической реакции, так ведь?

И тут я подмигиваю Монике Чапмен, которая на последующие двадцать секунд лишается дара речи.

Обретя вновь способность говорить, она сразу дает нам экспресс-контрольную «для оценки знаний», однако на самом деле я думаю, что она собирается мне отплатить, поэтому ставит на листках оценки у себя за столом, а затем произносит:

– Джек Масселин, раздай работы классу.

И тут начинается.

Я встаю со своего места, подхожу к учительскому столу и беру у нее контрольные. Затем с минуту стою там, пытаясь сообразить, что же делать. Одноклассники смотрят на меня, а я на них. Есть четверо ребят с четкими приметами. Троих, я почти уверен, не знаю, да и не должен знать (но на все сто не уверен). Восемь – в серой зоне, более известной как «зона опасности».

И вот я хожу туда-сюда по проходам, пытаясь совместить имена с теми, чьи лица мне знакомы. Я готов к принятию всех ушатов грязи, которые вылью на меня, как только выяснится, что я не знаю всех присутствующих. *Урод. Дуболом*.

Или же я могу продолжить то, что делаю прямо сейчас, – поднимаю над головой пачку листков и спрашиваю:

– Кто на самом деле хочет знать, что он получил?

В конце концов, это была экспресс-контрольная, и никто из нас к ней не готовился. Вдобавок к сказанному я бегло просматриваю листочки, и большинство оценок – это тройки, двойки, тройки с минусом, снова тройки. Как и ожидалось, никто не поднял руку.

– А кто желает, пользуясь этой возможностью, пообещать миссис Чапмен заниматься лучше и усерднее?

Почти все поднимают руки. Эти руки прикреплены к плечам, плечи прикреплены к туловищам, туловища – к шеям, а шеи – к лицам. И лица наплывают на меня, чужие и неузнаваемые. Это как *каждый день* присутствовать на карнавале, где ты один без костюма, но от тебя все же ждут, что ты знаешь, кто есть кто.

– Если кому интересно, я положу их вот здесь. – Я швыряю листки на свободный стол и сажусь на свое место.

Когда звенит звонок, Моника Чапмен произносит:

– Джек, мне нужно с тобой поговорить.

Я выхожу из класса, словно ничего не слышал, и прямиком направляюсь в школьную канцелярию, где говорю, что мне нужно перейти в другой класс по высшей химии, хотя его ведет мистер Вернон, которому наверняка лет сто и который глух на одно ухо.

Секретарша начинает свою речь словами:

– Не уверена, что мы сможем вас перевести, поскольку нам придется переверстать часть вашего расписания…

В какой-то момент меня так и подмывает сказать: «Да ладно, ничего страшного, я останусь там, где есть. Уж поверьте, мне будет просто в кайф целый семестр доводить Монику Чапмен». Но я начинаю думать о том, что у отца выпадают волосы, каким худющим он сделался после химиотерапии, каким хилым выглядит, словно вот-вот грохнется в обморок. Я помню ощущение, когда мы едва его не лишились. Какая-то частичка моей души по-прежнему его ненавидит и, возможно, всегда будет ненавидеть, но он же, в конце концов, мой отец, и я не желаю ненавидеть его больше, чем теперь. К тому же мне и вправду нравится химия, так к чему тогда такие жертвы?

Я облокачиваюсь на стол и улыбаюсь секретарше улыбкой, говорящей: *я берег ее для тебя и только для тебя*.

– Я прошу прощения, если это доставит неудобства, и не хочу показаться равнодушным, но если это действительно вам поможет, я знаю, что мы сможем уговорить миссис Чапмен согласиться на это.

Либби

Я решаю не ходить на обед. После него физкультура, и, по-моему, на планете нет ни одной полной девушки, как бы

уверенно она себя ни чувствовала, которая бы не испытывала ужаса перед физкультурой.

Если смотреть на вещи шире, то сегодняшний день мог оказаться куда хуже. Никто не выгнал меня с игровой площадки. Пока что надо мной четыре-пять раз подшутили и посмеялись и пару сотен раз пристально разглядели. Многие даже не обратили на меня особого внимания, и многие относятся ко мне как ко всем остальным. Я завела по крайней мере одну, а может, и двух потенциальных подруг.

Но самым трудным оказалось то, чего я никак не ожидала, – увидеть людей, которых я когда-то знала и с кем вместе росла. И знать, что, пока я сидела дома взаперти, они взрослели, ходили в школу, заводили друзей и жили своей жизнью. Похоже, я единственная, кто остановился на определенном этапе.

Так что есть мне совсем не хочется. Вместо обеда я сижу на парковке за столовой и читаю свою любимую книгу Ширли Джексон «Мы живем в замке». Она о девушке по имени Мари Кларисса Блеквуд. У нее в семье почти все умерли, и она живет вместе с сестрой, спрятавшись от общества, замкнувшись в своем доме не из-за избыточного веса, а из-за чего-то ужасного, что она однажды сотворила. Люди в ее родной деревне сочиняют о ней легенды и боятся ее, а иногда подкрадываются к дому, чтобы тайком на нее взглянуть. Я совершенно уверена, что понимаю Мари Клариссу как никто на свете.

Я несколько минут читаю, а потом закрываю глаза и запрокидываю голову назад. Стоит теплый, ясный денек, и хотя я уже довольно давно не привязана к дому, думаю, что мне никогда как следует не насытиться солнечным светом.

Физкультура – это гораздо хуже, чем я себе представляла.

Джек

И конечно же, это Сет Пауэлл ляпает:

– Я тут про одну игру вычитал.

Или, может, он ее в онлайне увидел – не помнит.

– Называется она «Родео на толстухе».

И хохочет так, как будто это самое смешное, что он слышал за всю жизнь. Буквально ржет изо всех сил, едва не падая с сиденья на открытой трибуне.

– Значит, так: подходишь к какой-нибудь толстухе, подпрыгиваешь и вцепляешься в нее, как будто на быке скачешь…

Он наклоняется вперед, прикрыв лицо, и трижды топает ногой по трибуне, словно это поможет ему снова ровно дышать. Когда он наконец снова смотрит на нас, глаза у него прищурены и слезятся.

– Держишься изо всех сил, как будто весь жир из нее хочешь выжать…

Он сгибается пополам и раскачивается вправо-влево. Мы

с Камом переглядываемся. Вот ведь урод тупой.

Сет садится прямо, трясясь от смеха.

– И кто…

(Эти последние слова выговорить труднее всего.)

– Продержится дольше всех…

(Он едва дышит.)

– Тот и выигрывает.

– Что выигрывает? – спрашиваю я.

– Игру.

– Да, но что выигрывает-то?

– Игру, брат. Игру выигрывает.

– А приз-то там есть?

– Что значит – приз?

По правде сказать, Сет довольно туповат. Я вздыхаю, словно несу на себе все мировое бремя, как будто я какой-то там Атлас.

– Когда едешь на ярмарку и стреляешь в тире, тебе дают, не знаю, плюшевого мишку или что-то вроде того.

– Когда мне было восемь лет. – Сет косится на Кама.

Я запускаю руки в свою львиную гриву, нещадно взлохмачивая ее. Говорю медленно, очень медленно, как отец общается с иностранцами.

– Значит, когда ты в восемь лет пошел в тир, тебе дали что-то за выигрыш.

Кам делает глоток из фляжки, которую всегда носит с собой, но нам не предлагает.

– Если он вообще что-то выиграл, – фыркает он.

Сет смотрит на меня, но протягивает руку и хлопает Кама по макушке. Глазомер у него хороший, скажу я вам. Прищурившись, он снова обращается ко мне:

– Так ты вообще о чем?

– Что ты получаешь, если выигрываешь родео?

– Ты выигрываешь. – Он поднимает руки, как бы спрашивая «чего же еще?».

Это может продолжаться часами, но Кам произносит:

– Напрасный труд, Масс. Плюнь ты на это.

Теперь я смотрю на Кама.

– А *ты* слышал о «Родео на толстухе»?

Он встает, делает еще один глоток из фляжки, и на секунду кажется, что сейчас предложит хлебнуть и мне. Потом завинчивает пробку и прячет флягу в карман.

– Теперь услышал.

Неожиданно он спрыгивает с трибуны на землю и трусцой бежит к какой-то девчонке, у которой, похоже, под блузкой целая автопокрышка. Я ее не узнаю, как, конечно же, никого не узнаю. Без автопокрышки она могла бы оказаться моей матерью, вот так.

Главная примета Сета не в том, что он единственный темнокожий парень в школе с прической ирокез. Его основная примета – идиотский смех. Он всегда смеется, потому что он идиот, и этот смех я различу всегда и везде. А примета Кама – очень светлые волосы, делающие его похожим на аль-

биноса. Он единственный из моих знакомых с таким цветом волос.

Я понятия не имею, кто эта девушка с автопокрышкой под блузкой, и все время, пока смотрю, мне кажется, что Кам на самом деле ни на что подобное не решится. Он просто пытается заставить нас поверить, что способен на такое.

И вот он это делает. Кам обворачивается вокруг девушки, как целлофан, и сперва кажется, что, может, ей это и нравится, поскольку с ней в связке Дэйв Камински, но чем дольше он за нее держится, тем больше она нервничает, и похоже, начнет визжать или плакать или же все вместе.

Я встаю. Мне хочется сказать ему: прекрати. Глаза Сета прикованы к Дэйву и девушке, он разевает рот, а потом начинает бить себя по коленке со словами: «Вот черт, вот черт, вот черт». Вслед за тем он хохочет и говорит в мою сторону что-то типа: «Да ей же самой хочется». А я все время думаю: «Скажи хоть что-нибудь, придурок».

Но я молчу. И когда девушка готова сорваться, Кам отпускает ее. После чего начинает совершать по беговой дорожке круг почета.

– Пятнадцать секунд, – задыхаясь, произносит Сет. – Это же мировой рекорд, черт подери.

Либби

Либби Страут – жирная.

После школы я заперлась в туалете, и черный маркер скрипит по жуткой-жуткой стенке. На полу валяется неиспользованная прокладка, а в раковине лежит пустой тюбик из-под блеска для губ, хотя мусорная корзина буквально *под носом*. На двери одной и кабинок висит табличка «НЕ РАБОТАЕТ», потому что кто-то бросил (засунул) в унитаз учебник по математике. Помимо других ароматов здесь пахнет еще и освежителем воздуха вкупе с сигаретами. Как там в поговорке про девушек говорится: «Они из сахара и пряностей и всяких разных сладостей»? Не совсем верно. Чтобы в этом убедиться, нужно всего лишь посетить женский туалет на третьем этаже средней школы города Амоса, штат Индиана.

Кто-то колотит в дверь.

Я протягиваю вверх руку и пишу такими большими буквами, какие у меня только получаются, чтобы все увидели.

Либби Страут – жирная.

Жирная и страшная.

Ее никогда не трахнут.

Ее никто и никогда не полюбит.

Мельком замечаю свое отражение в зеркале – лицо у меня свекольного цвета. Мама называла свеклу вкусным овощем, хотя прекрасно знала, что ничего вкусного в ней нет. Мама всегда так поступала – представляла вещи «вкуснее», чем на самом деле.

Либби Страут – такая жирная, что пришлось ло-

мать дом, чтобы вытащить ее оттуда.

Это слово в слово то, что я подслушала на физкультуре, когда Кэролайн Лашемп и Кендра Ву говорили обо мне, а другие девчонки стояли вокруг и слушали. И смеялись. Я добавляю одну-две строчки из самых гадких слов, какие только могу придумать, чтобы мне не пришлось их выслушивать от кого-то еще. Я пишу их, чтобы им не надо было раскрывать рот. Таким образом, они больше ничего не смогут сказать про меня такого, чего бы не сказала я сама.

Либби Страут – самая жирная девчонка в Америке.

Либби Страут врет.

Я делаю шаг назад.

Это правдивейшие слова из всех, и пока я их не увижу, со мной все хорошо. Но я смотрю на них, и, словно оскорбления написал кто-то другой, они заставляют меня затаить дыхание. *Ты зашла слишком далеко, Либбс*, думаю я.

Да, я толстая.

Да, мой дом пришлось частично разрушить.

Может, ни один парень меня не полюбит или никогда не захочет ко мне прикоснуться, даже в темноте, даже после светопреставления, когда всех стройных девушек на земле унесет какая-нибудь жуткая чума. Возможно, когда-нибудь я похудею, и у меня появится бойфренд, который меня полюбит, но я все равно останусь лгуньей. Я всегда буду лгуньей.

Потому что через три минуты я открою дверь, пойду по коридору и скажу себе: а что я ожидала, я знала, что это слу-

чится, иначе никогда и быть бы не могло, слова не имеют значения, школа не имеет значения, ничего из этого не имеет значения. Значимо лишь внутреннее содержание. Именно оно лежит за пределами всего этого. Все то, что любят тебе говорить. К тому же я давным-давно перестала что-то чувствовать.

Вот только это – тоже ложь.

Шестьдесят секунд спустя.

Я выхожу из туалета и тут же налетаю на девушку почти таких же габаритов, как и я. У нее такой жуткий взгляд, что мне инстинктивно хочется убраться у нее с дороги. Она спрашивает:

– Что ты там делала? Ты что, дверь заперла?

Вообще-то она выкрикивает эти слова.

– Ее, наверное, заклинило. Что с тобой? – Я говорю тихо и спокойно в надежде, что она последует моему примеру.

Девушка плачет, беспрестанно икает, и ей требуется минута, чтобы ответить:

– Вот ублюдки! – Это говорится чуть тише.

Мне не приходится спрашивать, что случилось, а только кто это сделал. По ее габаритам я могу представить, что произошло.

– Кто? – спрашиваю я, хотя у меня такое чувство, что я в этой школе никого не знаю.

– Дэйв Камински и его ублюдки-дружки.

Она протискивается мимо меня к раковине, наклоняется, ополаскивает лицо и смачивает волосы, завитые тугими черными колечками. На ней футболка с группой «Нирвана» и ожерелье из леденцов, которое можно потихоньку есть. Я хватаю бумажное полотенце и протягиваю ей.

– Спасибо. – Она промокает лицо. – Дэйв Камински схватил меня, а когда я попросила отпустить, он еще пуще вцепился.

Дэйв Камински, которого я когда-то знала, был костлявым двенадцатилетним мальчишкой с почти белыми волосами, который однажды стянул у своего папаши виски и притащил в школу.

– Где они?

– На трибунах. – Она по-прежнему икает, но уже не так сильно. Взгляд ее упирается в стену, и она начинает читать.

– Какого…

Мои глаза следуют за ее взглядом.

– Я знаю, верно? Думай о хорошем. По крайней мере на стене не твое имя.

Джек

Кам по-прежнему совершает круги почета, когда из здания школы выходят две девчонки. Одна из них чуть отстает, но другая шагает прямо через футбольное поле. Она бегло смотрит на нас, и наши взгляды встречаются. А потом она

направляется прямиком к Каму.

Сначала он ее не замечает, что само по себе чудо, поскольку эта девушка совершенно громадных размеров. Но затем я понимаю, что он видит ее, прибавляет скорость, смеется и убегает прочь. Сет сидит очень прямо, словно пес, высматривающий белку, и бормочет:

– Какого черта?..

Как только девушка приближается к нему, Кам рвет вперед, словно на форсаже, а *девчонка припускает за ним*. Я вскакиваю на ноги, потому что это лучшее зрелище из всех, что я видел. В том смысле, что она *летит*.

Сет, как дурак, принимается хлопать в ладоши.

– Вот *черт*. – Он орет на Кама и ржет аж до синевы, топая ногами и пиная трибуны, а я все это время болею за девчонку.

– Беги! – реву я ей, хотя об этом никто не знает. – Давай! Нажимай! Напирай!

Наконец, Кам перелезает через забор и рвет по улице прочь от нас. Словно бешеная газель, девчонка вслед за ним преодолевает забор, и единственное, что мешает ей поймать Кама, – это грузовик, как раз в тот момент проносящийся по улице. Она стоит на тротуаре и пристально глядит вслед Каму, а потом идет, а не бежит обратно к школе. Она пересекает футбольное поле, и наши взгляды снова встречаются. Головы она не поворачивает, просто следит за мной глазами, и я с уверенностью говорю вам, что она жутко рассержена и

раздосадована.

Шесть лет назад

Либби

10 лет

Я захожу на игровую площадку, и Мозес Хант кричит мне:

– Эй, а вот и толстомясая! Как дела, жирдяйка?

– Сам жирдяй, – отвечаю я, хотя он вовсе и не такой, но я ведь тоже не толстая.

Он искоса смотрит на столпившихся вокруг него мальчишек, которые все время ходят за ним по пятам и повторяют все его проделки, даже когда он пукает или выкрикивает ругательные слова, которым его научили старшие братья. Он снова переводит взгляд на меня и собирается что-то сказать. И я знаю, что бы он там ни выдал, мне не хочется это выслушивать, поскольку никто не может сказать ничего хорошего ртом, который, похоже, только что проглотил лимон с косточками и кожурой.

Он раскрывает свой надутый и перекошенный от лимона рот и произносит:

– Тебя никто никогда не полюбит. Потому что ты жирная.

Я смотрю на ноги и на живот. Развожу в стороны руки. Если я жирная, то это для меня новость. Возможно, пышечка. Немного пухленькая. Но я ведь всегда была такой. Я пристально гляжу на Мозеса и на других мальчишек и девчонок у качелей. Насколько мне известно, я не выгляжу намного полнее любого из них.

– А по-моему, нет.

– Ну, значит, ты не только жирная, а еще и тупая. – Мальчишки просто падают от смеха. Лицо Мозеса стремительно приближается ко мне, как кулак, и он раскрывает рот так широко, что, похоже, там смогли бы угнездиться все голуби Амоса. – *Мотай домой, толстомясая. Солнце не светит, когда ты выходишь…* – Он распевает это на мотив колыбельной песенки. – *Ты такая здоровенная, что луну заслоняешь. Мотай домой, толстомясая, домой, к себе в комнату…*

«Сам тупой», – думаю я. И шагаю мимо него. Я направляюсь к качелям, где вижу Бейли Бишоп и других девчонок. Мозес оказывается прямо передо мной.

– *Мотай домой, толстомясая…*

Я делаю шаг в другую сторону, но он снова преграждает мне дорогу. Теперь я двигаюсь в сторону лесенок для лазания и качания, где могу спокойно посидеть. Но он снова встревает:

– Я не пущу тебя туда. А вдруг ты их сломаешь.

– Не сломаю. Я уже лазала по ним.

– А вдруг сломаешь. Твоя туша уже, наверное, расшатала

фундамент. А в следующий раз, когда ты туда залезешь, все просто рухнет, чтоб я сдох. Может, вместе с площадкой. Наверное, ты тут все расшатываешь, пока стоишь. И наверняка мамашу свою придушила, когда села на нее.

Мальчишки продолжают умирать со смеху. Один из них катится по земле, хохоча во все горло.

Ростом я ниже Мозеса, но пристально смотрю в его темные, бездушные глаза. И все, что мне приходит на ум, это – *впервые в жизни я узнаю́, что значит, когда меня ненавидят*. Я вижу ненависть, словно она выпирает у него из зрачков.

Остаток перемены я стою, прислонившись к стене на краю площадки, и гадаю, что же я такого сделала Мозесу Ханту, что он меня возненавидел, и понимаю: что бы там ни было, возврата назад не случится. Мое нутро твердит мне: «Ты никогда ему не понравишься, что бы ты ни сделала, как бы ни похудела, как бы ни старалась относиться к нему по-хорошему». Это жуткое чувство. Ощущение, как что-то навсегда меняется. Будто приближаешься к углу улицы, заходишь за него, а лежащая впереди улица темна и безлюдна или же кишит дикими псами, но назад пути нет, только вперед, прямо в центр стаи.

Я слышу визг, и моя подруга Бейли Бишоп на лету прыгает с качелей, ногами стремясь к земле, возносясь к небу волосами, ярко-золотистыми, как восход солнца.

Я машу ей, но она меня не видит. *Неужели она не замеча-*

ет, что меня нет рядом? Я снова машу рукой, но она слишком поглощена бегом. Я думаю: «Будь я Бейли Бишоп, я бы тоже бегала». У нее такие длинные ноги, как столбы. «Будь я на месте Бейли Бишоп, тоже не высматривала бы, куда же делась подруга. Я бы просто бежала, бежала и бежала».

Настоящее время

Либби

Девушку зовут Айрис Энгельбрехт. Вот что я узнала за последние пять минут: она с рождения страдает избыточным весом благодаря сочетанию гипотериоза и еще чего-то под названием «синдром Кушинга». Родители ее в разводе, у нее две старшие сестры, и все у них в семье страдают избыточным весом.

– Тебе нужно рассказать обо всем директору.

– Нет, – качает головой Айрис.

Мы возвращаемся в школу, вокруг никого нет. Я пытаюсь увести ее в сторону главного здания, где находится кабинет директора, но Айрис все как-то мешкает.

– Я пойду с тобой.

– Не хочу усугублять ситуацию.

– Усугубляет ситуацию то, что Дэйв Камински думает, что может с тобой такое творить.

– Я не такая, как ты. – На самом деле, она подразумевает: «Я не такая храбрая, как ты».

– Тогда я сама пойду, – отхожу от нее.

– Не надо – Айрис догоняет меня. – То есть спасибо, что

погналась за ним, но я хочу, чтобы все это дело замялось, а так не случится, если я обо всем расскажу. Наоборот, оно раздуется. Раздуется до того, что мне придется все время о нем думать, а я не хочу. Сегодня же первый школьный день.

И снова я слышу то, о чем она молчит: «Мне не хочется, чтобы все это преследовало меня целый год, даже если у меня есть полное право врезать ему по зубам».

С моим психологом, Рейчел Мендес, мы встречаемся в парке. В течение двух из последних трех лет мы видимся с ней каждый день. Еще когда я лежала в больнице, она стала первым человеком, кроме папы, кто заговорил со мной как с нормальной девчонкой. Чуть позже она стала моей домашней учительницей и своего рода сиделкой, остававшейся со мной, пока отец был на работе. Теперь она моя лучшая подруга, и мы встречаемся здесь раз в неделю.

– Что случилось? – спрашивает она.

– Парни. Идиоты. Люди.

В центре парка раньше располагался зоосад, но его в 1986 году закрыли после того, как медведь попытался откусить одному из посетителей руку. От зоосада осталась широкая каменная плита, служившая основанием для медвежьей клетки. Мы сидим на ней и смотрим на площадку для гольфа, и я киплю от негодования, опасаясь, что у меня сейчас взорвется голова.

– Парень совершил гадость, а девушка, ставшая жертвой

этой гадости, не хочет ничего рассказывать.

– А эта девушка в опасности?

– Нет. Парень, похоже, подумал, что это невинная шалость, но ему нельзя было так поступать, и это не должно сойти ему с рук.

– Мы не можем сражаться вместо других или вместе с другими в чужих битвах, как бы нам этого ни хотелось.

Но мы можем гоняться по улице за ублюдками, которые их терроризируют. Я думаю: как же проще была жизнь, когда я не могла выйти из дома. По телику целыми днями гоняли сериал «Сверхъестественное», и я читала, читала и читала плюс подглядывала в окно за соседскими мальчишками.

– Как твое чувство тревоги?

– Я жутко злюсь, но дышу.

– А что с едой?

– Стрессового влечения не было, однако день еще не закончился.

И мне предстоит вынести еще целый учебный год. Хотя я почти три года без эксцессов ела скучную и питательную пищу, Рейчел и мои врачи беспокоятся, что все может кончиться срывом в дикое, неуемное обжорство, потому что у меня расстроена психика. Они не понимают одного: дело тут вовсе не в еде. Пища никогда не была ответом на вопрос «Почему?». По крайней мере не прямым и не главным ответом.

– Но самое плохое вот в чем, – говорю я. – Мы с тобой знаем, через что мне пришлось пройти, но все остальные просто

видят меня с других точек зрения: какая я толстая или где я была все эти годы, но не с точки зрения того, кто я теперь.

– Ты им еще покажешь. Уж кто-кто, а ты это сможешь.

Внезапно я больше не могу сидеть на этой плите, такое иногда случается: после многих месяцев, проведенных без движения, на меня вдруг накатывает желание подвигаться.

– Давай покружимся, – предлагаю я.

И именно это мне больше всего нравится в Рейчел. Она вскакивает на ноги и начинает кружиться, не задавая никаких вопросов и не боясь, что могут подумать другие.

Сочельник. Мне четыре года. Моя бабушка дарит маме и мне две огромные парные рождественские юбки: одну – зеленую, другую – красную. Они уродливые, но широкие и могут кружиться, так что мы носим их до самого Нового года, кружась без перерыва. Пока я не выросла из юбки, мы кружились на днях рождения, на Дне матери, вообще на всех празднествах.

Мы с Рейчел вертимся, пока не начинает кружиться голова. Я тайком проверяю пульс, чтобы она не заметила, потому что задыхаться можно в хорошем и в плохом смысле. Я жду, пока пульс стабилизируется, пока не убеждаюсь, что опасности никакой нет, и спрашиваю:

– А ты знаешь, что случилось с медведем? Ну, с тем, который здесь сидел в клетке?

Я не могу винить его за то, что он попытался откусить чью-то руку. Ведь посетитель сунул руку в его клетку, а клет-

ка была единственным местом в мире, оставшимся у медведя.

– В новостях сообщали, что его отправили в Цинциннати на перевоспитание и обучение общению с людьми.

– А что, по-твоему, произошло на самом деле?

– По-моему, его просто пристрелили.

Джек

С висящей на стене фотографии в огромной рамке на меня пристально взирает мой пра-пра-чего-то-такого-дед сурового вида и с пронзительным взглядом. Многочисленные рассказы расписывают его как праведника, всю жизнь посвятившего изготовлению игрушек. Если верить этим россказням, то он представлял собой бескорыстного Санта-Клауса родом из Индианы. Но на этой фотографии он скорее старый и жуткий сукин сын.

Он впивается в меня своим пронзительным взором, когда я надиктовываю голосовое сообщение Каму: «Я сижу в добром старом заведении «Игрушки Масселина» и желаю тебе самого лучшего во время твоего путешествия домой. Дай мне знать, если понадобятся деньги на обратный авиабилет».

Я нажимаю «Сброс» и говорю пра-пра-чего-то-такого-деду:

– Не суди человека, пока хотя бы недолго не побудешь на его месте.

В конторке, служащей одновременно и складом при магазине, я отвечаю на электронные письма, сверяю инвентарные ведомости, оплачиваю счета – все это я могу делать даже во сне. Пять поколений нашей семьи владеют предприятием «Игрушки Масселина». Оно пережило Великую депрессию, расовые беспорядки, взрыв в центре города 1968 года, спад и, наверное, просуществует еще долго после того, как уйдет мой отец, уйду я, после следующего ледникового периода, когда из всех живых существ останутся лишь тараканы. С самого рождения Маркуса все ожидали, что мой ответственный и исполнительный брат примет из рук отца эстафетную палочку. Это оттого, что по каким-то причинам все ждут от Джека великих деяний. Но я знаю то, чего не знают они. *Когда-нибудь именно я буду жить в нашем городе, заправлять этим предприятием, женюсь, заведу детей, стану громко разговаривать с иностранцами и изменять жене. Потому что ни на что иное я не гожусь.*

У меня звонит телефон, и это Кам, но не успеваю я ответить, как в конторку заходит мужчина (темные вьющиеся волосы, темные брови, бледная кожа, рубашка с логотипом магазина).

Отец откашливается. После химиотерапии он сделался туговат на одно ухо и постоянно откашливается.

– Почему ты отказался от высшей химии? – спрашивает он.

Откуда, интересно, ему это стало известно? Все же про-

изошло буквально пару часов назад.

– Я не отказывался.

Я скажу вам, откуда он знает. Наверняка Моника Чапмен нашептала, пока они занимались «этим» у него в машине.

И прежде чем я успеваю обуздать воображение, у меня в голове проносятся разрозненные картинки голых тел, и на некоторых из них мой отец.

Он пододвигает стул и пока усаживается на него, я смотрю в сторону, потому что не могу выбросить эти образы из головы.

– А вот я слышал совсем другое.

Пока трахал Монику Чапмен в кабинете химии. Когда драл ее, прижав к твоему шкафчику для вещей, когда имел ее на твоем обеденном столе и на всех учительских столах в школе.

Я отвечаю, возможно, слишком громко:

– Просто я перевелся в другой класс.

– А чем тебе прежний класс не понравился?

Вот так-то. В том смысле, что он, наверное, шутит, верно? *Он же продолжает меня об этом расспрашивать*.

Пасовать больше нельзя. Придется посмотреть ему в глаза – что для меня куда неприятнее, чем весь этот разговор.

– Скажем так – у меня возникли проблемы с преподавателем.

Плечи у отца сразу напрягаются, и он понимает, что я все

знаю, и атмосфера делается чертовски неловкой. Мне вдруг становится совершенно наплевать на электронную почту и инвентарные ведомости. Больше всего мне хочется убраться отсюда, поскольку *стала бы Моника Чапмен ему что-то рассказывать, если она с ним не спала?*

Тощий парнишка с оттопыренными ушами сидит за кухонным столом и пьет молоко из бокала для виски – родители держат их в баре. Хотя он совсем еще малыш, его поза наводит меня на мысли о старике, знававшем лучшие времена. Сумка его лежит на столе.

Я беру стакан, наливаю себе сока и спрашиваю:

– Здесь не занято?

Он пододвигает мне ногой стул, и я сажусь, протягиваю свой стакан в его сторону, мы чокаемся и молча пьем. Я слышу, как в коридоре тикают старинные напольные часы. Мы оказались дома первыми.

Наконец Дасти спрашивает:

– А почему люди такие вредные?

Сначала я думаю, что он знает о моем разговоре с отцом или обо мне, о том, каков я и как веду себя в школе, но потом мой взгляд падает на сумку, на которой красуется крупно выведенное черным маркером одно из самых грязных ругательств. Ручка разрезана пополам.

Я снова гляжу на младшего брата.

– Люди бывают вредными по многим причинам. Иногда

они вредные просто от природы. Иногда им кто-то делает какую-то гадость, и они, даже сами этого не понимая, перенимают всю эту вредность, выходят в большой мир и так же вредничают по отношению к другим. Иногда они вредные, потому что боятся. Иногда решают сделать гадость другим, прежде чем те, другие, сделают гадость им. Это такая «вредность-самозащита». – О ней я очень много знаю. – А кто тебе сделал гадость?

Дасти поднимает руку и трясет головой, как бы говоря: нет, в подробности вдаваться не будем.

– А почему, когда кто-то боится, он делает гадости?

– Потому что, может быть, кому-то не нравится, кто он такой, но есть другой парень, который точно знает, кто он такой, и кажется чертовски бесстрашным. – Я гляжу на сумку. – Ну, это может оказаться страшным, и хотя и не должно, но все это может заставить первого парня думать о себе еще хуже.

– Даже если другой парень не пытается сделать кому-то хуже, он просто остается собой?

– Вот именно.

– Ну и гадость.

– Я могу что-нибудь сделать?

– Просто не будь вредным.

– Не могу ничего обещать, разве что по отношению к тебе, братишка, я никогда не буду вредным.

Мы пьем, как двое старых товарищей, и чуть позже я го-

ворю:

– Знаешь, я ведь могу починить тебе сумку. Или смастерю новую. Прочную, как танк.

Он пожимает плечами.

– Да я и без нее обойдусь.

Произносит он это таким тоном, что мне хочется купить ему все сумки на свете или из чувства солидарности самому начать носить такую же.

– А что, если я смастерю тебе что-нибудь еще, а? Что тебе всегда хотелось. Не стесняйся. Самое заветное желание.

– Робота «Лего».

– Который сможет делать за тебя уроки?

Он качает головой.

– Не-а, с этим я уже разобрался.

Я откидываюсь на спинку стула и потираю подбородок, словно напряженно размышляю.

– Ладно, тебе, наверное, хочется такого, который выполнял бы твою работу по дому.

– Не-а.

– Может, тогда беспилотник?

– Я хочу такого, который мог бы стать моим другом.

Эти слова действуют как удар под дых. Я едва не теряюсь, но вместо этого киваю, снова потираю подбородок и допиваю сок.

– Считай, что все сделано.

Либби

После ужина мы с папой сидим на диване, и я показываю ему самое свежее видео «Девчат», снятое две недели назад на фестивале в Индианаполисе. Блестки на платьях сверкают, огни стадиона сияют, зрители в восторге. *Все эти краски. Вся эта жизнь*. Не уверена, что кто-то еще на земле ценит это так же, как я.

– Ты уверена в своем решении? – спрашивает он меня.

– Нет. Но на кастинг в любом случае пойду. Ты не можешь от всего меня защищать. Если я провалюсь, значит, провалюсь, но по крайней мере попытаюсь.

Я подаю ему заявление, он пробегает его глазами, тянется за лежащей на журнальном столике ручкой и ставит свою подпись. Протягивая мне заявление, он произносит:

– Знаешь, отпускать тебя снова в большой мир куда тяжелее, чем я думал.

Джек

Я в подвале, похожем на покоробленную версию мастерской Санта-Клауса, захламленную машинками, грузовичками, игрушками Мистер Картошка, детскими рациями и прочими приспособлениями для игр. Кроме выброшенных иг-

рушек тут есть и другие вещицы: запчасти от автомобилей и мотоциклов, всякие моторы, детали от газонокосилок и бытовой техники. Все, из чего я могу сделать что-то еще. Некоторые проекты завершены, но большинство работ находятся в процессе – повсюду разбросаны детали. Именно здесь я разбираю всякие штуки и снова собираю их в новые и изумительные поделки. Так, как я хотел бы переделать себя.

Звонит телефон – это Кам.

– Я добежал до самого Сентервила, брат.

Я смеюсь бравым и мужественным смехом.

– Эта убогая деваха напугала тебя?

– Заткнись. Она бежала так быстро, что прямо жуть.

– Все нормально? Тебе нужно об этом поговорить? – отвечаю я голосом матери Кама, когда та разговаривает с его младшей сестрой, которая постоянно плачет и с размаху хлопает дверьми.

– Вот оно, старик. Золотое кольцо.

– Чего-чего?

– Она. Она и есть приз. Или по крайней мере цель. Кто сможет продержаться на той девахе, тот и выигрывает.

– Что выигрывает-то?

Но я уже знаю, что он мне скажет.

– Родео на толстухе.

Стены мастерской словно смыкаются вокруг меня.

– Масс?

– Видишь ли, я не очень проникся этой игрой.

– Что значит – не очень проникся?

То и значит, что мне не хочется продолжать этот разговор, потому что не нравится, какой оборот он принимает.

– Какая-то это тупая и бездарная игра. В том смысле, старик, что ее придумал *Сет*.

Когда сомневаешься, всегда вали все на Сета.

– Он ее не придумывал, а рассказал нам о ней. Это совершенно разное. К тому же она жутко прикольная. Да что с тобой такое? Эта деваха чуть меня не задавила.

– Сет – законченный идиот.

Я снова валю все на него, пытаясь придумать способ это прекратить, прежде чем подобные игры закончатся унижением всех полных девчонок в школе. Они этого не заслуживают. Девчонка, которая перемахнула через забор, как газель, и погналась за Камом по улице, тоже этого не заслуживает. Я продолжаю:

– Она этого не заслуживает.

– Черт, ты чего, спятил? Похоже, ты хочешь пригласить ее на бал. Может, прямо сейчас заказать вам лимузин?

– Я просто говорю, что в одиннадцатом классе мы куда лучше можем использовать свободное время. Ты *видел* девчонок из девятых классов?

Когда сомневаешься, переводи разговор на девчонок.

– С каких это пор ты дамским угодником заделался?

Я умолкаю. Сердце у меня колотится, как барабан. *Говори*

что-нибудь, урод.

– Мы будем играть хоть с тобой, хоть без тебя, Масс.

Наконец я отвечаю:

– Как скажешь, старик. Делайте что хотите.

– Премного благодарен, так и сделаем. Поскольку получили ваше разрешение.

– Козел.

– Урод.

Это наши прозвища друг для друга. Почва между нами становится прочнее, но остальной мир качается, словно выстроен на проволоке, натянутой на высоте многих километров над землей.

Что я потеряю, если пошлю своих друзей куда подальше

(Джек Масселин)

1. Кама и Сета. Может, они и не самые лучшие друзья в мире, но они единственные, кого я с уверенностью смогу узнать в не совсем стандартной ситуации. Возможно, это потому, что знаю их дольше остальных, или же оттого, что их приметы так легко разглядеть в толпе. Как бы то ни было, они выделяются. Скорее всего, именно поэтому я изначаль-

но с ними и подружился. Представьте себе, что вы переехали в город, где знаете только двух человек и *всегда будете знать только их,* неважно, как много людей вас окружают.

2. Тщательно собранный по кирпичику мир, который я выстроил себе в стенах средней школы Мартина Ван Бюрена. Я сделался Джеком Масселином, не озлобляя людей. И хотя Джек Масселин мне не всегда нравится, он мне нужен. Без него я просто ненормальный парень из ненормальной семьи, у которого весьма сомнительное будущее. И если я хоть что-то знаю о школе, то это звучит так: если дашь людям повод, тебя сотрут в порошок. (Люк Ревис, я гляжу на тебя.)

3. Себя. Вот себя терять мне ох как не хочется.

Либби

Я лежу на кровати – не на той, где проводила круглые сутки, когда не могла выйти из дома, а на новой, которую мы купили после того, как я немного скинула вес. Достаю наушники и нахожу песню «Теперь все хорошо». Я знаю, что она из шестой серии первого сезона сериала «Сверхъестественное» – звучит в самом конце серии, когда Дин говорит Сэму, как ему жаль, что он не может жить нормальной жизнью.

Насколько могу припомнить, мне всегда хотелось нор-

мальной жизни. Именно ее я пыталась создать в своем воображении, лежа на кровати. Когда Дин из дома напротив учился кататься на скейтборде, я училась вместе с ним, и мы часами гоняли наперегонки. Когда Дин с Сэмом играли во дворе в бейсбол, я тоже играла, а когда они соорудили на подъездной дорожке «картофельную пушку», я помогала красить ее из пульверизатора и стрелять картофелем поверх крыши. Мы вчетвером играли в шалаше на дереве, а когда старшие братья оставляли Кастиэля одного, я всегда водила его есть мороженое и рассказывала ему разные истории. Потом я возвращалась домой и ужинала за столом в столовой вместе с папой *и* мамой, потому что, конечно, все это было выдумкой, то есть означало, что я могу выдумать все, что мне захочется. Точно так же, как я могла сделать себя кем захочется, в том числе и девушкой с нормальными габаритами.

Я делаю песню погромче, и она словно оказывается у меня внутри и бежит по жилам, как кровь. Как бы я сегодня ни злилась, не припоминаю никакой тревожности. Никакого учащенного сердцебиения, никакого нервного бросания в пот. Столовая не вертелась вокруг меня. Я не чувствовала, что голову словно сдавили две огромные руки. Легкие дышали нормально, ровно, сами по себе, без постороннего вмешательства.

Заявление на кастинг в группу «Девчата» лежит рядом со мной. В пункте «Какой чертой или полезным качеством вы

обладаете и можете ли привнести в наш коллектив то, что мы, вероятно, не найдем у других кандидаток?» я написала: «Я крупная, бросаюсь в глаза и могу танцевать, словно ветер». В бланке заявления нет вопроса, сколько я вешу.

Я гляжу, как Джордж атакует одеяло, и думаю: «Да. Теперь все хорошо. Это я. Ничто никогда не вернется в прежнее спокойное и уравновешенное состояние, но я к этому привыкаю. Возможно, в конце концов, мне удастся зажить нормальной жизнью».

Джек

Я долго сижу у компьютера, пытаясь сообразить, что же мне сказать. Школьные письменные задания и сочинения у меня прокатывают, но я не писатель. До этого самого момента я как-то не очень заморачивался по этому поводу.

Тут штука вот в чем. Несмотря на все их недостатки, мои родители – хорошие, добрые люди. Ну, мама больше, чем папа. И они учили меня и моих братьев тоже быть хорошими и добрыми людьми, и хотя мы далеко не всегда ведем себя должным образом, это все-таки заложено в нас, в меня. По крайней мере мне не хочется, чтобы ни в чем не повинную девчонку позорили и унижали из-за моих дружков-придурков.

А если они сотворят с ней что похуже, чем эти идиотские родео?

А если они полезут к ней целоваться?

А если они полезут ее лапать?

Я прокручиваю в голове все сценарии один другого хуже, и все они заканчиваются тем, что эта девчонка станет рыдать день и ночь.

Я кладу голову на стол. Мне и самому хочется от души разреветься.

Наконец я вроде бы принимаю решение:

К черту все.

Поднимаю голову и начинаю писать.

Я не гад, но собираюсь совершить нечто гадкое. И ты меня возненавидишь, и кое-кто еще меня возненавидит, но я все равно это сделаю, чтобы защитить тебя, да и себя тоже…

На следующий день

Либби

Айрис Энгельбрехт решает идти в столовую вместе со мной. По какой-то причине – возможно, из-за схожей комплекции – она идет в пяти шагах позади меня.

– Ты еще там, Айрис?

– Здесь я.

Даже эту пару слов ей удается произнести жалким и обиженным тоном. Она Иа-Иа нашей школы. И она *очень много* говорит об излишнем весе. Я однозначно не заинтересована в том, чтобы сделаться Официальным Представителем Толстушек, кем именно, кажется, Айрис меня считает, как и Скандальной-Толстухой с Самомнением. Это в десять раз хуже, чем Толстуха-Грубиянка или Лучшая Подруга-Пышка. Подобная роль подразумевает массу ожиданий и надежд, а мне меньше всего хочется брать на себя ответственность и помогать кому-то одолевать превратности средней школы.

Я направляюсь к столику у окна, за которым сидят Бейли Бишоп и Джейви Де Кастро, когда замечаю Дэйва Камински в черной шапочке на почти белых волосах. Айрис тянет меня за рукав:

– Пойдем отсюда.

Я разворачиваюсь и иду в противоположном направлении, а бедная Айрис плетется сзади. Я с шумом налетаю на одного из дружков Камински, который вместе с ним сидел на трибуне. Он высокий, долговязый и худой, с золотисто-коричневой кожей и темно-каштановыми волосами, которые торчат в разные стороны, напоминая вспышку на солнце.

Прежде чем я успеваю уступить ему дорогу, он произносит:

– Извини.

В глазах у него какая-то озабоченность и печаль, словно он только что потерял лучшего друга.

– Нет, это ты извини, – отвечаю я и делаю шаг в сторону, чтобы обойти его. Но он шагает туда же. Я ступаю в другую сторону, и он тоже. И я думаю, до чего смешно мы, наверное, выглядим, когда слышу, как где-то у меня за правым плечом Дэйв Камински орет:

– ЗАШИБИСЬ, *НАЧАЛОСЬ*!

На какое-то мгновение мне кажется, что этот парень вырубится прямо предо мной. Он снова повторяет:

– Извини.

И тут же бросается ко мне, вцепившись в меня, словно утопающий за соломинку.

Я настолько поражена, что даже шевельнуться не могу. Вместо этого я совершаю стремительное путешествие во времени и оказываюсь на семейном отдыхе, когда мне бы-

ло девять лет. Мама, папа, тетушки, двоюродные братья и сестры вместе со мной отправились на пляж на побережье в Северной Каролине. День выдался жарким, и все мы купались. На мне был мой любимый купальник в розово-желтую клетку. Я плескалась на мелководье, и, пока плавала, у меня к ноге прилепилась медуза. Да так крепко, словно приклеилась, так что меня пришлось выносить из воды и буквально отдирать это чудовище, и мне казалось, что я вот-вот умру.

Так вот и это чудище держится за меня так цепко, что сперва я ничего не могу поделать и стою столбом. Похоже на то, что мир пустеет и замирает, и я вместе я ним. Все вокруг постепенно

з
а
м
е
д
л
я
е
т
с
я.

И останавливается.

Просто останавливается.

Впервые за очень долгое время меня охватывает паника. Грудь сдавливает. Дыхание становится учащенным. Ла-

дони – мокрыми от пота. Шея горит.

И тут что-то внезапно возвращает меня к реальности – возможно, чей-то крик, хлопок в ладоши или свист. Или же это мычание? В любом случае я вдруг снова оказываюсь в школьной столовой с этим парнем, обвившим меня, как свитер, и крепко вцепившимся в меня руками.

– Нет!

Я узнаю свой голос, но только звучит он откуда-то издалека, словно я в другом конце школы, где-то рядом с библиотекой.

Совершенно ясно, что это какая-то жуткая игра. «Прижмись к толстухе» или «Прилепись к толстухе». Это куда хуже, чем когда тебя прогоняют с игровой площадки, и я внезапно прихожу в такую ярость, что меня просто трясет. Все тело горит, и я уверена, парень это замечает, все теснее прижимаясь к моим рукам и ногам.

И тут я думаю: «Не за тем я сбросила сто двадцать килограммов, отказалась от пиццы и шоколадных бисквитов с кремом, чтобы этот козел позорил меня в столовой на всю школу».

– Не-е-е-е-ет! – Теперь это звучит, как рев.

Для худого и долговязого он довольно силен, и мне приходится собрать все силы, чтобы отлепить его от себя, как кусок лейкопластыря.

А потом я бью его по зубам.

Джек

Я лежу на полу в столовой, а девчонка возвышается надо мной. Такое чувство, что челюсть у меня вылетела и валяется где-нибудь в Огайо. Я потираю ее, чтобы убедиться, что она все-таки на месте, а когда убираю руку, та вся в крови.

– Какого черта? – бормочу я. Слова выходят глухо и несвязно. *Господи, кажется, она мне говорилку разбила*. – Зачем ты мне врезала?

– А ЗАЧЕМ ТЫ В МЕНЯ ВЦЕПИЛСЯ?

Я перевожу взгляд на ее рюкзачок, на письмо, торчащее из кармашка, куда мне все-таки удалось его засунуть. Мне хочется сказать: «Поймешь позже», – но я не могу говорить, потому что вытираю кровь со рта.

Может, я и не узнаю́, кто есть кто, но лица всех находящихся в столовой обращены на нас, глаза пристально смотрят, рты то открываются, то закрываются. Девчонка продолжает возвышаться надо мной, и я говорю:

– Я встаю. Это на тот случай, если ты собираешься снова мне врезать.

Ко мне тянется рука, и принадлежит она высокому белому парню в дурацкой черной шапочке. Ненавижу головные уборы, потому что иногда единственная примета – это чьи-то волосы, а шапка их скрывает, и человека тоже смазывает. Я не уверен, принимать ли эту руку, но больше никто руки

не протягивает, так что я разрешаю поставить себя на ноги. После этого сукин сын принимается хохотать.

Девчонка обрушивается на него.

– Ты козел!

Он поднимает руки вверх, как будто она наставила на него пистолет.

– Эй, это же не я тебя хватал.

– Может, и нет, но уверена, что ты тут тоже замешан.

Это дает мне повод думать, что парень, наверное, Дэйв Камински.

Потом на сцене появляется еще одна девчонка, темнокожая и разъяренная, с родинкой у правой брови, которая набрасывается на девчонку, в которую я вцепился.

– Ты его ударила? Ах ты, тупая овца! Он же тебя не бил!

Только Кэролайн Лашемп может орать так громко и визгливо.

– Я это заслужил. Не надо мне было в нее вцепляться, – отвечаю я, внезапно защищая давшую мне в зубы.

– Это *она* так *тебе* врезала?

Появляется еще один парень, с вытянутым подбородком и косматыми волосами. Я ищу у него на лице приметы того, кто он, но все сразу наваливаются на меня, и это просто кошмар, потому что я не знаю, кто из них кто. Все дергают меня, желая знать, *что случилось, все ли нормально, все будет хорошо, не волнуйся, Джек*. Я хочу, чтобы они отстали от меня и убрались прочь, потому что я вроде должен их знать, но не

знаю, как будто у меня наступила амнезия. Они меня бесят, и мне хочется послать их подальше. Это ей нужно уделять внимание, а не мне. Виноват-то я, а не она.

– Черт, что случилось, Джекс?

Парень с вытянутым подбородком – Маркус, мой родной брат, потому что он так меня называл в детстве.

Но я не могу быть полностью в этом уверен, верно? Даже младенцы узнают знакомых людей. Даже собаки. Даже Карл Джамерс, которому по-прежнему – сколько лет прошло после начальной школы? – приходится считать на пальцах и который в прошлом году съел кошачьи какашки, потому что его на это спровоцировали.

Появляется охранник, расталкивая собравшихся. А потом и учитель (седые волосы, борода), пытающийся навести в столовой порядок. Пока он внушает всем, что не на что тут глазеть, отправляйтесь по своим делам, ко мне быстрыми шагами подходит еще одна девушка.

– Джек Масселин, что случилось?

Она ощупывает мое лицо, и в этот момент я не уверен, откуда у меня идет кровь. Я ее знаю? В ней нет ничего такого, что казалось бы знакомым, но тут кто-то произносит:

– Это он, мисс Чапмен. Он в нее вцепился.

Я вырываю подбородок из ее пальцев и поправляю:

– Это *миссис* Чапмен.

После чего смотрю ей прямо в глаза. В этот момент я словно бы говорю ей: «Ну, давай же, мадам. Покажи мне свои

прелести. И докажи, что в тебе такого особенного». В том смысле, что должно быть что-то просто невероятное, верно? Иначе почему отец поставил на карту целостность семьи и рискует всем?

Но единственный человек, который выделяется из жадно глазеющей и гомонящей толпы, – не мой родной брат и не женщина, которая разбивает семейную жизнь моих родителей. Это девчонка, которую я даже не знаю, самая полная здесь девчонка.

Либби

Наша директор школы Вассерман – подтянутая, очень энергичная женщина, этакий живчик. Висящая за ее столом табличка гласит, что она возглавляет школу уже двадцать пять лет. Я сижу напротив нее рядом с тем парнем и какой-то женщиной, наверное, его матерью.

Директриса обращается ко мне:

– Твой отец будет с минуты на минуту.

Внезапно на меня накатывает приступ тошноты, потому что я только что перенеслась в прошлое, в самый жуткий день моей жизни. Я тогда училась в пятом классе, и во время школьного собрания ко мне подошла директриса и на виду у всех вывела меня из зала. Она провела меня в свой кабинет, где уже ждали мой отец и школьный психолог. На краю директорского стола стояла большая коробка с салфетками, и

именно она привлекла мое внимание. Коробка была просто огромная, словно ее выставили туда именно по этому случаю.

«Наша мама в больнице, и мы должны немедленно туда ехать».

«Что значит – в больнице, ехать?»

Ему пришлось трижды все это повторить, прежде чем я поняла, но даже тогда мне казалось, что это какая-то ужасная шутка, что все они по какой-то причине сговорились устроить совершенно жуткий розыгрыш.

– Либбс?

Я поднимаю взгляд, когда папа входит в кабинет.

– У тебя все нормально?

– Нормально.

Кто-то приносит ему стул, и затем директриса рассказывает о том, что произошло в столовой.

Мать парня пристально смотрит на сына таким взглядом, словно он – исчадие ада, и заявляет:

– Должно существовать хоть какое-то объяснение, *с какой стати* ты мог решиться на такое.

Мой отец обращается к ней:

– Мне бы хотелось услышать объяснение, которое помогло бы мне понять все происшедшее.

Их диалог перекрывает голос директора:

– Я хочу выслушать Джека и Либби.

Все смотрят на нас.

– Он в меня вцепился.

– Как он в тебя вцепился?

– Бросился на меня и сжал так, как будто я – спасательный круг, а он – последний, кому удалось спрыгнуть с «Титаника».

Этот парень, Джек, откашливается.

– Все случилось не совсем так.

Я удивленно приподнимаю брови.

– В самом деле?

Но он на меня не смотрит. Он слишком сосредоточен на том, чтобы обаять директрису Вассерман. Он наклоняется вперед, сидя на стуле, и говорит, понизив голос и нарочито растягивая слова, словно вступая с ней в сговор.

– Это было глупо. От начала до конца. И сейчас глупо. Я просто… – Он бросает взгляд на мать. – Последние два года выдались очень нелегкими. – Он смотрит на директрису таким напряженным и значительным взглядом, словно пытается ее загипнотизировать. – Я не говорю, что есть хоть какое-то оправдание тому, что я сделал, поскольку я вряд ли смог бы сказать хоть что-то, что объясняло бы случившееся…

Этот тип – прямо заклинатель змей, но, к счастью для меня, директриса вовсе не дура. Она обрывает его и поворачивается ко мне.

– Мне бы хотелось услышать, что послужило причиной удара по лицу.

– Ты ему врезала? – вставляет мой отец.

В качестве подтверждения Джек показывает на свое лицо.

– Он вцепился в меня, – отвечаю я.

– Строго говоря, я ее обнял.

– Вовсе не обнял, а вцепился.

Тут вмешивается директриса:

– Зачем ты в нее вцепился, Джек?

– Потому что вел себя как идиот. Я не хотел сделать ничего такого. Не пытался испугать ее. Не пытался запугать. Жаль, что у меня не было более достойной причины, поверьте.

Его взгляд говорит: «Ты меня простишь. Ты забудешь, что это вообще произошло. Ты полюбишь меня так же, как все остальные».

– Ты чувствовала угрозу, Либби?

– Я чувствовала себя не лучшим образом, если вы об этом спрашиваете.

– Но угрозу ты чувствовала? Сексуального характера?

О Господи Боже.

– Нет. Просто унижение.

Сейчас я чувствую еще большее унижение, спасибо.

– Потому что мы снисходительно к сексуальным домогательствам не относимся.

Мать Джека наклоняется к ней.

– Госпожа директор, я адвокат и в той же мере – если не больше – озабочена тем, что произошло сегодня, однако по-

ка мы не…

Директриса снова повторяет:

– Я хочу выслушать Джека и Либби.

Я чувствую, как жизнь медленно вытекает из сидящего рядом со мной парня. Бросаю на него быстрый взгляд, и он кажется скорлупой, словно кто-то проходивший мимо высосал из него кровь. По какой бы идиотской причине он в меня ни вцепился, я знаю, что *ничего такого* у него и в мыслях не было.

– Не было ничего сексуального. Вообще ничего. Подобной угрозы я никогда в жизни не ощущала.

– Но ты же ударила его.

– Не потому, что чувствовала стремление к изнасилованию.

– Тогда почему же ты его ударила?

– Потому что он вцепился в меня без всякой сексуальной подоплеки, но в высшей степени раздражающе и унизительно.

Директриса кладет руки на стол и сцепляет их. Она смотрит так пристально, словно хочет обратить нас в камень.

– Драка на территории школы – серьезное обвинение. Как и вандализм.

И тут я впадаю в ступор. Она берет со стола фотографию, на которую мне не нужно смотреть, потому что я уже знаю, что на ней. Директриса обращается к Джеку:

– Тебе что-нибудь об этом известно?

Он наклоняется поближе, чтобы рассмотреть фотографию. Снова откидывается на спинку стула и качает головой:

– Нет, мэм, не известно.

Мэм.

Отец наклоняется к столу директрисы.

– Позвольте взглянуть, пожалуйста.

Когда он берет в руки фото, директриса заявляет:

– Боюсь, что кто-то испортил один из наших школьных туалетов оскорбительными высказываниями в адрес вашей дочери. Заверяю вас, что с этим разберутся самым строгим образом. К подобным выходкам я тоже отношусь далеко не снисходительно.

Она снова смотрит на Джека. И его мать – тоже. И мой отец, челюсти у которого сжимаются так, что я боюсь, как бы они не хрустнули.

Мне очень хочется стать невидимкой. Я закрываю глаза, словно это поможет. Когда я снова их открываю, то по-прежнему сижу на стуле, и все на меня смотрят. Я лепечу:

– Простите?

Отец помахивает фотографией.

– Ты знаешь, кто это сделал?

Мне хочется сказать «нет». Совершенно не знаю.

– Либбс?

Передо мною три пути. Я могу соврать и сказать «нет». Могу сказать, что это сделал Джек. Или же могу сказать правду.

– Да.

– Да, ты знаешь, кто это сделал?

– Да.

Все напряженно ждут.

– Это сделала я.

Теперь они впадают в ступор.

Парень присвистывает.

– Джек! – осаживает его мать.

– Извините, но… – Он снова присвистывает.

На директрисе просто лица нет, я и воображаю, как она сегодня вечером сядет с мужем ужинать и начнет ему говорить, до чего же переменились дети, что мы разбиваем ей сердце и до чего же хорошо, что ей скоро на пенсию, потому что она не знает, сколько еще сможет все это выдерживать.

– Зачем, Либби? – спрашивает меня отец.

Может, оттого, что он называет меня Либби вместо Либбс, а может, по какой-то еще дурацкой причине мне хочется разреветься.

– Потому что кто-нибудь все равно бы написал это.

И вдруг я чувствую себя голой, как будто лежащей на секционном столе с выставленными напоказ всему миру внутренностями. Я никогда и никому, кроме отца, не смогу объяснить, как важно быть всегда подготовленной, всегда на шаг опережать всех и всё.

– Лучше быть охотником, чем добычей. Даже если охотишься на себя.

Наши с Джеком взгляды пересекаются.

– Вот как-то так.

– И тут появляюсь я, чтобы доказать твое утверждение.

Он несколько секунд не отпускает мой взгляд, а потом мы оба смотрим в разные стороны. Мы сидим впятером в самом неловком и затруднительном молчании, которое я испытывала за всю жизнь, пока директриса не заявляет:

– Существует несколько видов различных наказаний, которые я могу на вас наложить. Временное отстранение от занятий. Исключение из школы. В некоторых случаях школы в Рашвиле и Ньюкасле даже обращались в местную полицию для произведения арестов.

Тут вступает Джек:

– А как насчет такого наказания, чтобы она на глазах у всей школы врезала мне по заднице.

– Или же мы можем привлечь тебя за хулиганство, – говорит ему директриса.

Мать Джека, адвокат, едва не падает со стула:

– Прежде чем говорить о привлечении…

Ее тираду перекрывает голос директрисы:

– А тебя, Либби, за драку.

– Это была самозащита! – визгливо и громко взлетает мой голос. – В том смысле, когда я ему врезала.

Хотя в туалете действовала тоже своего рода самозащита.

Директриса кивает на Джека.

– Он тебя отпустил к тому моменту, когда ты его ударила?

– Только потому, что я его от себя отодрала.

Директриса качает головой и долго вздыхает:

– Я не стану принимать решение сию минуту. Прежде хочу поговорить со свидетелями. Мне нужно ознакомиться с вашими личными делами, взвесить все варианты. Однако я желаю без обиняков заявить, что моя толерантность равняется нулю, когда дело доходит до насилия, хулиганства или чего-то, *даже отдаленно* намекающего на сексуальные домогательства. – Она, прищурившись, смотрит на Джека, а потом на меня. – И я также ни в коей мере не потворствую вандализму.

Джек

Нам велят подождать за дверями директорского кабинета. Когда мы выходим, в кабинет одновременно заходят охранник, бородатый учитель и двое ребят – Бог знает кто, может, один из них – мой брат. Мы с Либби сидим рядом на скамейке. Я гляжу на дверь, ведущую отсюда в большой коридор, и в голове у меня вертится одна-единственная мысль: «Только бы здесь не появилась Моника Чапмен, пока мама у директрисы».

Либби смотрит на меня.

– Зачем ты это сделал?

Мне хочется сказать ей: «Прочти письмо», – но теперь мысль о письме кажется едва ли не самой дурацкой за всю

жизнь.

– Ты никогда не делала ничего отвратительного или тупого, прежде чем подумать? Чего-то такого, о чем сразу же жалеешь, как только сделаешь? – Она не отвечает. Тогда я продолжаю: – Иногда люди вредные просто от природы. Иногда они вредные, потому что боятся. Иногда они решают сделать гадость другим, прежде чем те, другие, сделают гадость им. Это такая «вредность-самозащита».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.